

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 7 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кулафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Из истории следственных органов и судебного процесса

Звягинцев А.Г. У истоков3

Яковлев Н.М. Верность дореволюционных прокуроров Якутии идеалам судебной реформы 1864 г.12

Минаев А.В., Рыженкова З.В. История возникновения и развития института понятий в российском судопроизводстве17

Качалов В.И. Исторические предпосылки формирования института исполнения приговора в российском уголовно-процессуальном праве21

Соснина М.А. Закон и обычай в регулировании деятельности волостных судов в делах о наследстве (на материалах Архангельской губернии в период с 1861 по 1917 г.)26

Попов И.А., Рязанцев В.А. Советские органы предварительного следствия в период 1941–1963 гг.31

Кулачков В.В. Рецензия на монографию: Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Модернизация судебной системы в период нэпа36

Аспекты правовой идеологии: исторический обзор

Исаев И.А. Самопознание закона: «зеркало» как правовой символ39

Зайцева Л.А. Каноническое право как источник средневекового немецкого права: исторический обзор43

Зенин С.С. Народовластие в истории развития суверенитета: божественное начало48

Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура ...54

Ромашов Р.А. Террор как легальное средство маргинальной политики государства59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 15.03.2017
Номер вышел в свет 20.04.2017
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 7 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

From the History of Investigative Authorities and Judicial Process

- Zvyagintsev A.G.* At the Origins..... 3
Yakovlev N.M. Commitment of Prerevolutionary Prosecutors of Yakutia to the Ideals of the Judicial Reform of 1864 12
Minaev A.V., Ryzhenkova Z.V. History of Origination and Development of the Institute of Witnesses to the Search in the Russian Judicial Proceedings..... 17
Kachalov V.I. Historical Prerequisites to Establishment of a Sentence Execution Institute in the Russian Criminal Procedure Law 21
Sosnina M.A. Law and Tradition in Regulation of the Volost Court Activity in Inheritance Cases (Based on the Materials of the Arkhangelsk Province for the Period from 1861 to 1971) 26
Popov I.A., Ryazantsev V.A. Soviet Pretrial Investigation Authorities in the Period from 1941 to 1963..... 31
Kulachkov V.V. Review of a Monograph of Vinnichenko O.J., Filonova O.I. "Judicial System Update in the New Economic Policy Period" 36

Legal ideology aspects: historical review

- Isaev I.A.* Self-Understanding of Law: "Mirror" as a Legal Symbol..... 39
Zaitseva L.A. Canon Law as a Source of Medieval German Law: Historical Review..... 43
Zenin S.S. The Rule of the People in the Sovereignty Development History: Divine Beginning 48
Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Legal Reality of Russia: Notion and Structure..... 54
Romashov R.A. Terror as a Legal Mean of Marginal State Policy 59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 15.03.2017
Issue was published 20.04.2017

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

У ИСТОКОВ

*Звягинцев Александр Григорьевич,
вице-президент
Международной ассоциации прокуроров,
государственный советник юстиции I класса,
Заслуженный юрист Российской Федерации
от@iap-association.org*

В статье автор в исторической ретроспективе дает обзор зарождения правовых институтов и становления законодательства в России. Описываются преобразования Петра I в части контрольно-надзорных функций государства, создание института фискалов, затем — прокуратуры.

Ключевые слова: опричнина, фискальная служба, зарождение прокуратуры, Петр I.

At the Origins

*Zvyagintsev Aleksandr G.,
Vice-President of the International Association of Prosecutors
Class I State Counsellor of Justice,
Honored Lawyer of the Russian Federation*

In this article the author gives a review of origination of legal institutes and establishment of legislation in Russia in historical retrospect. The article describes the reforms of Peter I related to the control and supervisory functions of the state, establishment of an institute of fiscals and then the prosecution service.

Key words: oprichnina, fiscal service, origination of the prosecution service, Peter I.

Разобраться в русской истории, в становлении правовых институтов, а тем более законодательства России весьма непросто. Не зря в 1907 г. философ и историк Василий Осипович Ключевский писал: «Юрист строгий и только юрист ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерница никогда не поймет целомудренного акушера». Законы, действующие всегда в строго конкретном времени и пространстве и оказывающие существенное влияние на развитие общества, очень часто помогают нам правильно расставлять столбовые вехи в летописи прошлых дел и событий.

По наезженной столетиями колее продолжала неукротимый бег на оглоблях своих традиций и обычаев русская птица-тройка. Поглядывая, правда временами, то на Восток, то на Запад, Россия на протяжении всего своего исторического развития впитывала важнейшие элементы античной культуры, начиная от римского права и кончая цезаризмом. Категориями Цезаря и Августа, гласно или негласно, оперировали многие российские монархи и просветители, сравнивая законы Русского государства и законы Рима и Греции. Отсюда и родилась идея «третьего Рима», возникшая в годы правления Ивана III и выраженная Филофеем Псковским в XVI в. в формуле: «Москва — третий Рим, а четвертому не быть!» В этой формуле скон-

центрированы разные понятия как политического, метаисторического плана, так и бытового уровня.

Имелось в виду, что после потери независимости Грецией и крушения Рима Российское царство должно занять их место в истории. Забегая немного вперед, добавим только, что законы Византийской империи, «второго Рима», обогащали кислородом кровеносную систему русского права...

В связи с этим весьма уместно будет вспомнить Шарля-Луи Монтескье. Рассуждая о пользе заимствования законодательства других стран, он отмечал, что это необходимо делать с учетом национально-исторических особенностей государства — «в зависимости от государственного строя, ибо они (законы. — Прим. авт.) предназначены для общества». Прежде чем ввести закон одного народа для другого, следует, по его мнению, в первую очередь «предварительно рассмотреть, имеют ли оба народа одинаковые установления и одинаковое государственное право»¹. Одновременно он предупреждает, что самые истинные и святые догматы могут иметь весьма дурные последствия, если они не сообразуются с принципами общественной жизни.

¹ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 498.

Значение этой парадигмы, провозглашенной выдающимся ученым-просветителем человечества, оказавшим фундаментальнейшее влияние на развитие планетарного правового мышления, является ключом к исследованию предпосылок зарождения и развития прокуратуры в России.

Многие русские ученые разделяли и развивали эту точку зрения Монтескье. В частности, наш известный философ и историк Николай Иванович Кареев в самом начале XX века, рассматривая через призму юриспруденции одну из западноевропейских формул — некую «идеальную и вечную историю, по которой проходят во времени все истории народов», писал, что история каждого народа имеет свою особую формулу, что «общей исторической схемы, общего шаблона истории нет и быть не может, потому что условия жизни отдельных народов слишком неодинаковы. С другой стороны, однако, мы знаем также, что общность условий создает и большие сходства в условиях разных народов»².

Вся история нашей прокуратуры, как, впрочем, и многих других правовых институтов общества и законодательства, определена прежде всего характером экономических отношений, естественно, общественно-политическим строем, традициями и обычаями народов, проживающих на обширных российских просторах, внешнеполитическими связями, заимствованиями зарубежного опыта и даже климатическими условиями. «От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов»³, — писал Монтескье.

Эти факторы оказывали влияние на развитие законодательства и органов прокуратуры не только России, но и других стран. Поэтому говорить, что Россия является каким-то исключением, — это значит игнорировать очевидное. Конечно же, в выборе векторов у всех народов мира довольно часто присутствовал субъективный фактор. В одних историях это была воля суверена или иного высшего должностного лица государства, непосредственно влияющего на принятие решения, в других — ангажированное мнение (и не обязательно политизированное) столпов общества или неких авторитетов. Были, правда, и такие периоды, когда в эти процессы вме-

шивались роковые случайности и события, и тогда ранее исповедуемая апологетика и проторенные маршруты менялись на новые.

Изучение уже первых юридических документов раннефеодальной Руси показывает, что и Византия, и Западная Европа подпитывали, словно полноводные ручьи, реки нашей правовой мысли. Отмечая это, известный византолог Дмитрий Дмитриевич Оболенский подчеркивал, что еще киевский князь Ярослав Мудрый в подражание деятельности византийских императоров всячески способствовал распространению «Русской Правды». В то же время, — писал Оболенский, — «многие особенности в системе наказаний “Закона судного людям” имеют очевидные аналогии с франкским и англосаксонским правом»⁴.

Если обратиться к той же «Русской Правде» как своду законов, то видно, что князь в тот период выступает в качестве верховных судей. «Князья были призваны для правды вследствие того, — пишет Сергей Михайлович Соловьев, — что особые роды не могли беспристрастно разбирать дела при враждебных столкновениях своих членов; не было у них правды, говорит летописец»⁵.

Таким образом, с принятием «Русской Правды», по сути, началось юридическое оформление судебной власти, хотя еще в церковных уставах Владимира I Святославовича (а позже и того же Ярослава Мудрого) говорится о том, что князья могли поручать отправлять правосудие «княжеским судьям». К сожалению, этого мы не можем сказать об институте прокуратуры. Необходимые условия и предпосылки к ее возникновению начинают зримо просматриваться только в середине XVII в.

Вообще следует признать, что в России процесс «установления законов» и зарождения правовых институтов проходил достаточно сложно. Это, в частности, было обусловлено не только «междоусобицами» и постоянной борьбой с захватчиками, но и «собранием земли русской».

Как писал Питирим Сорокин в книге «Преступление и кара», процесс «склеивания» стольких народностей, отстаивания сего единства, принуждение различных сословий и социальных групп к деятельности на благо всего государства не могли обойтись без

² Кареев Н. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. СПб., 1905. С. 8.

³ Монтескье Ш.А. Указ. соч. С. 498.

⁴ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1996. С. 397.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ми кн. Кн. 1–2. М., 1988. С. 228.

насилия и казней. «Не Иоанн IV виноват в опричнине, а исторический процесс, который свои законы диктует одинаково и пастухам, и царям»⁶.

Опричнина явление по-своему уникальное в мировой истории. Можно смело говорить о том, что она является «мачехой» законности и деятельность ее серьезно диссонирует с теми представлениями о правопорядке, которыми так кичилась Европа. Однако на Руси многое не укладывалось в стандартные рамки. Хотя и западноевропейские методы достижения и упрочения власти государем также не отличались особой щепетильностью. Макиавелли писал в «Государе», что государю легче будет утвердить власть тогда, когда он сможет «с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры»⁷.

Но опричнина, пожалуй, все же сугубо русское явление. Не углубляясь в эту тему, заметим лишь, что она не только была «рукой государевой», но стала важнейшим инструментом власти, своего рода «оком государевым»; она сразу и обвиняла, и «чинила приговор».

В узком смысле опричнина как привилегированная часть служила главным орудием утверждения самодержавной власти царя. И делалось это не только безо всякой оглядки на законы и обычаи, сложившиеся в обществе, а скорее вопреки им.

Важным периодом, способствовавшим вызреванию условий для проведения радикальных правовых реформ и создания органов прокуратуры, был XVII век. Процесс этот шел на фоне выхода России из Смутного времени, сосредоточения власти в руках государя и формирования абсолютной монархии. И если точкой отсчета учреждения органов прокуратуры мы вполне справедливо считаем 1722 г., то историю развития власти прокурора смело можно отслеживать с 1649 г. Чуть более 70 лет потребовалось России, чтобы утвердиться в необходимости создания прокуратуры. Срок для истории более чем скромный. Именно тогда, сразу после Соляного бунта (1648 г.), царь Алексей Михайлович Романов объявил о созыве Земского собора и подготовке нового свода законов. По мнению патриарха Никона, Собор был созван «боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не правды ради». Очень

быстро, менее чем за год, такой свод законов был разработан, и 29 января 1649 г. Соборное уложение было принято. При подготовке его, в частности, использовали «грацкие законы греческих царей», а также старые судебники и указы прежних государей.

Соборное уложение — это крупный исторический памятник нашего права. В нем довольно подробно разработаны теория доказательств, система наказаний (хотя и сохранилась неопределенность в санкциях), процедуры «розыска» и «суда», основы состязательности процесса. Уложение фактически завершило процесс формирования терминологии, значительно расширило составы преступных деяний, увеличило их число, и что очень важно, в нем впервые были систематизированно изложены правовые нормы, характеризующие статус судебной власти.

«В Русском обществе XVII столетия можно уже заметить все элементы, из которых впоследствии сложилось Петровское государство, — писал известный ученый-правовед Александр Дмитриевич Градовский. — Деятельность московских Царей подготавливает обширные средства для преобразователя и в то же время определяет способ, которым он будет проводить свою реформу»⁸.

И действительно, во время действия Соборного уложения практике уже была известна мысль о том, что при совершении тяжкого преступления (например, убийства) преследование виновного должно производиться обвинителем от имени царя. «А не будет на него (злочинца), — пишет бежавший в XVII веке в Швецию чиновник Посольского приказа Григорий Карпович Котошихин, — в смертном деле челобитчиков, и таким делом за мертвых людей бывает истцом сам царь»⁹.

«Таким образом, — отмечает известный российский генерал-прокурор Николай Валерьянович Муравьев, — уже в Московском государстве намечалась почва для установлении прокуратуры, но не выработалось еще самой ее идеи, способной привиться и разрастись»¹⁰.

Итак, допетровская Россия не знала институтов, подобных нынешней прокуратуре.

⁸ Градовский А.Д. Администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866.

⁹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. 161–162.

¹⁰ Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Прокуратура на Западе и в России. М., 1889. С. 245.

⁶ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 348.

⁷ Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 305.

Прокурорских учреждений ни в целом виде, ни даже в отдельных проявлениях или элементах не существовало. Уголовное преследование шло или в порядке частного обвинения, которое выдвигалось частным потерпевшим лицом и доказывалось в состязательном «суде», при менее важных делах, или же по распоряжению судьи-следователя разыскным порядком по делам более важным («сыскным», «губным», «тяжебным») против тех, кого сочли источником общественной опасности, т.е. так называемых лихих людей.

Н.В. Муравьев писал: «В том и другом случае не было места особым органам публичного преследования, которое еще не выделялось из полицейских задач и судебных функций государства. Не получило развития в Московской Руси и наблюдательное, контрольное начало — это главнейшее основание будущего прокурорского надзора.

Необходимость в нем живо ощущалась в правительственном организме XVII в. при чрезвычайном усилении и умножении должностных злоупотреблений, особенно в местном управлении, но систематического наблюдения за деятельностью служилых людей или вовсе не было, или оно не шло дальше таких несовершенных мер, как финансовая отчетность воевод по поступлению в казну различных сборов, назначение к воеводам товарищей для взаимного надзора, посылка дьяков и подьячих за границу для проверки действий послов, поощрение частных доносов и доносчиков и прочее. Эта последняя мера, в связи с постепенным расширением круга «сыскных» дел, указывала на недостаточность частного обвинения, а малоуспешная борьба «губных» учреждений Иоанна Грозного с преступлениями, возроставшими в качестве и количестве, свидетельствовала о слабости уголовного розыска при существующем «судоустройстве»¹¹.

Таким образом, мы видим, что в государстве Российском только с середины XVII в. начинает создаваться правовая база и нарабатываться некая практика, активно работающие на учреждение в нашем Отечестве в начале XVIII в. института прокуратуры.

В подтверждение этого тезиса можно привести хотя бы несколько самых первых именных указов, которые имели к этому процессу непосредственное отношение: «О надзоре за Касимовским Царевичем и его людьми, и о воспрещении им иметь какие-либо сношения с Магометанами других государств» от

11 июля 1651 г.¹² и «О надзоре за высылкою из Тюмени в Касимовскую деревню, на житье, вдовою Рафа Всеволоцкого, с сыном ее и дочерью, бывшею невестою Государя» от 17 июля 1653 г.¹³. Приведенные правовые акты прямо касались надзора за деятельностью должностных лиц.

С приходом к власти Петра I контрольно-надзорные функции государства приобретают конкретные очертания. Начинается широкомасштабная борьба с «кормлениями» чиновников, осуществляющих «государеву службу» на безвозмездной основе, исключительно за счет поборов.

С особым рвением царь обрушивается на взятки. 24 декабря 1714 г. он подписывает указ «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за них». Позже ответственность за этот вид преступления была предусмотрена и в Сенатском указе «О наказании за взятки и лихоимство» от 21 мая 1720 г., а также в аналогичных нормативных правовых актах «О разных Государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имени и живота» от 22 июня 1720 г. и «О рачительном сборе податей и наказании за взятки» от 3 октября 1720 г.

Верховная власть фактически становится на тропу войны с местничеством, со всякими злоупотреблениями служебным положением и мздоимством, надеясь если уж не искоренить, то по меньшей мере хотя бы поставить это зло в осадное положение и уменьшить его масштабы.

Если рассматривать деятельность Петра Великого даже под углом зрения только российского права, нельзя не отметить, что проведенные им реформы носили тектонический характер и привели в движение все слои общества. Исключительно благодаря его стараниям состоялось рождение Великой России как державы европейского и мирового уровня. «Петр скинул с себя родовой элемент самодержавия, родовые пути и сделался императором по западному понятию — диктатором»¹⁴. Но быть просто диктатором царь не хотел. Он был человеком другого кроя. Петр потому и стал Великим,

¹² ПСЗРИ-1. Т. I. № 65.

¹³ ПСЗРИ-1. Т. I. № 101. О событиях, повлекших принятие столь необычного нормативного акта.

¹⁴ Записные книжки И.Е. Забелина. 50-е годы XIX века // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. V. М., 1994. С. 136.

¹¹ Там же. С. 244.

что являл миру тип правителя, который соединял в себе черты сурового владыки и просвещенного западноевропейского государя. Он «видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение или направление, или саму жизнь»¹⁵.

При Петре I самодержавная монархия окончательно приобрела характер абсолютной. Приняв в 1721 году титул императора, он сделался не просто монархом абсолютным, но и «неограниченным, и повиноваться ему не только за страх, но и за совесть» теперь «сам Бог повелевал».

Без дрожи в руках Петр Великий насаждал новые, непривычные для Российского государства порядки, создавал органы, которые день ото дня укреплялись и набирали силу. Ломался привычный, устоявшийся веками образ жизни; претерпевали коренные изменения все основные государственные структуры, начиная от местных и кончая высшими.

Формируются регулярная армия и полиция, преобразовывается местное управление. Приказы, сохранявшиеся частично, уступили место так называемым коллегиям. Боярскую думу сменил Правительствующий Сенат. С организацией Святейшего Синода император добился полного подчинения церкви своей власти. Коренным образом обновилось и российское законодательство. Последовательная и решительная деятельность Петра дала России законы, покоившиеся на монолитном государственном начале.

Петр I принял от своих предшественников российскую провинцию в мало приспособленном для его грандиозных планов виде. Государство делилось на весьма неравноценные по территории уезды, во главе которых стояли воеводы, и волости. Управление уездами из центра было громоздким и неуклюжим. Недостатки уездного правления особенно остро сказывались при добывании денег на содержание армии и для других общегосударственных нужд. Поэтому не случайно Петр I решил реорганизовать местное управление, учредив губернии.

18 декабря 1708 г. появился короткий, но значительный по своей сущности указ, в соответствии с которым в Российской империи были учреждены восемь губерний: Московская с 39 уездами, Ингерманландская (с 29 уездами); с городами — Киевская (с 56 уездами), Смоленская (с 17 уездами), Архангелогородская (с 20 уездами), Казанская

(с 71 уездом), Азовская (с 77 уездами) и Сибирская (с 30 уездами). Позднее император учредил еще три губернии: Рижскую, Астраханскую и Нижегородскую, но ликвидировал Смоленскую, поделив ее территорию между Московской и Рижской губерниями. Таким образом, общее число губерний стало 10. Губернаторами были поставлены, как правило, военные люди, которые командовали расположенными в губерниях войсками.

В первые годы царствования Петра I во главе управления государством стояла Боярская дума, хотя и основательно им «причесанная». Туда входили уже не только представители знатных родов, которые ранее окружали трон, но и другие, выслужившиеся при царе, люди. Изменилась и роль Боярской думы. Тем не менее она все еще собиралась на так называемые совещания. Теперь Петр I, уезжая за границу, имел обыкновение поручать управление не Боярской думе, а отдельным приближенным к нему вельможам. Так продолжалось до 1711 г.

Покидая пределы России по случаю войны с Турцией, 22 февраля 1711 года царь издал указ «Об учреждении Правительствующего Сената и бытии при оном розрядному столу вместо розрядного приказа, и по два комиссара из губерний».

Вскоре, 2 марта 1711 года, для всеобщего сведения было объявлено, что для «всегдашних отлучек» «определен управительный сенат, которому всяк и его указам будет послушен так, как нам самому, под жестоким наказанием или смертью, по вине смотря».

Прошло совсем немного времени, и учрежденный лишь для «отлучек» государя Правительствующий Сенат становится постоянно действующим и в его присутствии, т.е. становится высшим правительствующим учреждением государства. Тогда же ему были приданы и высшие судебные функции.

В Правительствующий Сенат вначале входили девять высших сановников России: граф И.А. Мусин-Пушкин, князь П.А. Голицын, князь М.В. Долгорукий, Т.Н. Стрешнев, Г.А. Племянников, князь Г.И. Волконский, М.М. Самарин, В.А. Апухтин и Н.П. Мельницкий. В следующем году к ним присоединился и князь Я.Ф. Долгорукий.

Конечно, не все шло гладко. И не сразу в полную силу заработал Сенат — инерция и консерватизм у многих были слишком велики, и многие члены коллегий и сенаторы не являлись исключением. Но забота императора о своем детище была большая, и надежды на него монарх возлагал немалые. Однако,

¹⁵ Погодин М.П. Историко-критические отрывки по русской истории. М., 1846.

судя по всему, столь же большое было и недоверие царя к самим сенаторам. Ведь недаром законодательство того времени пестрит нормами, которые постоянно напоминают членам Сената об их обязанностях.

Выдающаяся заслуга Петра I заключалась в том, что он впервые в России создал органы, специально предназначенные для контроля и надзора за соблюдением законов. Вначале это был институт фискалов, затем — прокуратура.

Фискалитет, безусловно, на одном из этапов своего развития сыграл положительную роль в обеспечении единообразного применения законов и даже в борьбе с преступностью. Однако признать, что он был старшим, да еще и кровным братом прокуратуры было бы слишком смело. В то же время было бы глупо отрицать, что институт фискалов стал той предтечей, которая подготовила императора к мысли об учреждении в России прокуратуры. Хотя со всей уверенностью можно утверждать, что для принятия такого решения у государя были и другие резоны.

Должности фискалов были учреждены указами от 2 и 5 марта 1711 г. Обер-фискал состоял при Правительствующем Сенате, но назначался непосредственно государем. Фискалитеты полагались при всех центральных и местных органах: коллегиях, канцеляриях, судах и др. В их основную обязанность входило «тайно проводить, доносить и обличать» обо всех нарушениях закона, злоупотреблениях, воровстве и всем прочем, что «во вред государственному интересу может быть». С этой целью они принимали «доносы» от частных лиц, имели право посещать все присутственные места, требовать для просмотра дела и документы.

Довольно скоро оказалось, что в деятельности самой фискальной службы имеется множество недостатков. Обер-фискал имел право в случае обнаружения злоупотреблений со стороны сенаторов вызывать их в суд. Однако воспользоваться этим правом он фактически не мог — ведь он тоже подчинялся Сенату. К тому же, кроме того, пользуясь весьма широкими полномочиями и не чувствуя должной ответственности, многие фискалы не прочь были поживиться за счет тех мест, при которых они состояли, сами, таким образом, погрязнув в лихоимстве и злоупотреблениях. Их стали почти открыто ненавидеть, и само слово «фискал» приобрело такое же значение, как «ябедник», «доносчик».

В Табели о рангах по своему служебному положению фискалы относились к военно-

чиновничьей номенклатуре. Их деятельность заключалась в надзоре «1) за исполнением должностными и частными лицами указов и регламентов, 2) в попечении об имущественном, казенном интересе и 3) в преследовании: а) казнокрадства, лихоимства чиновников и вообще должностных хищений и б) безгласных преступлений явно противогосударственного, противообщественного характера»¹⁶.

В то же время фискалам не было предоставлено право проводить расследование и руководить им. Они были полномочны только представлять материалы для расследования и контроля, «побуждать к тому другие высшие установления и содействовать им в восстановлении порядка или прав казны»¹⁷.

Центральный аппарат фискальной службы находился в Петербурге. При обер-фискале была образована фискальная канцелярия, в распоряжении которой находился специальный дом приемов. В нем могли временно проживать фискалы, приезжающие из провинций по делам службы. У петербургских и провинциальных фискалов в подчинении находились солдаты для посылок и подьячие «для письмоводства». В 1723 году была введена должность генерал-фискала.

Изначально опасаясь парализовать работу фискалов, Петр I предоставил им полную свободу, освободив их от ответственности за ложные «доношения». Однако очень скоро после учреждения фискалитета волна недовольства работой последних прокатилась по всей России. Буквально через год знаменитый рязанский митрополит Стефан Яворский выступил с гневной речью с кафедры Успенского собора, обращая внимание на их безответственность и безнаказанность.

Мало помог и указ Петра I «О должности фискалов», изданный в 1714 г., в котором прямо прописывалась ответственность фискалов за ложные доносы. Кроме того, оставался без контроля и присмотра высший государственный орган — Правительствующий Сенат.

Пытаясь как-то усилить контроль за работой Сената, государь в 1715 г. вводит должность «генерал-ревизора». Назначив на нее графа Василия Никитича Зотова, сына своего учителя Никиты Моисеевича Зотова (последний 22 августа 1711 г. был назначен государственным фискалом, но в должность так и не вступил), делает его «надзирателем» с обязанностью следить за исполнением всех его указов.

¹⁶ Муравьев Н.В. Указ. соч. М., 1889.

¹⁷ Там же.

В «узаконении» давалось и иное наименование должности — «надзиратель указов». Пожалуй, оно более точно определяет характер его деятельности — «наблюдение за исполнением указов». Генерал-ревизор был наделен царем и определенными полномочиями. Он, например, имел право в случае неисполнения «указов» или при нарушении сроков при их исполнении даже немедленно штрафовать нарушителей.

Однако и это введение оказалось малоэффективным, и через три года — в 1718 г. должность «генерал-ревизора» была упразднена. Тем не менее в несколько усиленном виде практически те же обязанности в 1720 г. были возложены на обер-секретаря Сената Анисима Яковлевича Щукина, который в силу большого доверия к нему императора с 1718 г. параллельно возглавлял еще и следственную канцелярию. «К обыкновенной должности обер-секретаря прилагается наблюдение за сенатом, за правильностью и порядком производства в нем дел и даже за законностью его распоряжений. В случае нарушений или упущений со стороны сенаторов, обер-секретарь должен немедленно обо всем лично и письменно доносить Государю»¹⁸.

Щукин был деятельным чиновником, но 20 сентября 1720 года он неожиданно скончался, и полномочия его не были Петром I перенесены на его преемника.

Однако вскоре, уже в 1721 г., надзор за Сенатом император неожиданно поручил штаб-офицерам гвардии с кругом обязанностей и полномочий еще более широких — они даже имели право в случае «упорства или невежливого поведения» после троекратно предупреждения арестовывать сенаторов-нарушителей.

Вот так последовательно, методом проб и ошибок Петр I приближался к идее учреждения в России института прокуратуры. Приняв в 1721 году титул императора, он еще больше озаботился мыслью укрепления законности и усиления надзора за Правительствующим Сенатом и всеми другими государственными учреждениями. Он теперь ясно понимал, что для выполнения этих функций стране необходим строго независимый, наделенный адекватным арсеналом властных полномочий, эффективно работающий орган. Орган, который бы ревностно не только следил, как принятые законы им выполняются, но и сам оперативно реагировал на выявленные нарушения — ведь

практически отовсюду все еще выглядывала дореформенная Россия, где власть одевалась в новый европейский кафтан, а он ей везде жал и дисциплинировал, чем создавал большое неудобство.

Из проведенного обзора видно, что ни одно из нововведений не смогло полностью удовлетворить Петра I. Ставка на верных и усердных соратников, направленных на эту работу, тоже не дала желаемых результатов. Даже такой яркий человек и энергичный исполнитель воли государя, как обер-фискал Алексей Яковлевич Нестеров, очень много сделавший для поднятия авторитета фискалитета и борьбы с должностными преступлениями, и тот не удержался от соблазнов. А ведь поначалу так лихо брался, так ратоборствовал! Его первые доклады — это бесконечное обвинение чиновничества. Опираясь на доверие царя, он вступал в бой со многими сильными мира того. Это был и «светлейший князь» Меншиков, и сенаторы князья Волконский и Долгорукий, граф Мушин-Пушкин и многие другие. И как же они возрадовались, когда узнали, что сам Нестеров попался на злоупотреблениях. Но еще больше они взбодрились от известия о том, что разгневанным государем отданный в руки только что назначенного генерал-прокурором Ягужинского их прежний притеснитель после проведенного расследования казнен.

Бесславная кончина Нестерова была условно сильным ударом по и без того дискредитированному институту обер-фискалов, который после этого больше никогда и не поднялся до прежних высот. А в декабре 1729 г. при Петре II и вовсе был разгромлен. Во времена Анны Иоанновны фискальная канцелярия в ее указе от 15 мая 1730 г. называется уже «бывшей», а «дела ее, книги, денежная казна и “канцелярские приборы” распределяются между различными присутствующими местами». И все же ординарных гражданских фискалов, — пишет Н. В. Муравьев, — пережили фискалы в армии, «в духовном ведомстве и местные фискальские чины в Остзейских провинциях»¹⁹. Они дожили аж до царствования Екатерины Великой.

Можно ли из сказанного сделать вывод, что Петр I действовал только эмпирически и подыскивал надзорно-контрольный инструментарий из арсенала средств, которые давала ему русская жизнь. Конечно нет. Тот же институт фискалов царь ввел после тщательного изучения в том чис-

¹⁸ Петровский С.А. О сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 127.

¹⁹ Муравьев Н.В. Указ. соч.

ле и зарубежного опыта, в частности, Германии и Швеции. И здесь известную роль сыграл Генрих Клаус Герман Фик (в России его звали попросту Андреем Ивановичем), приглашенный Петром из Голштинии. Знаток шведского законодательства, впоследствии ставший вице-президентом коммерц-коллегии, он представил царю обстоятельное предложение о введении фискалитета в России. Как видим, царь принял его. И это, конечно же, было заимствованием зарубежного опыта, но, безусловно, с учетом суровых отечественных условий.

Представляется, что именно здесь, пожалуй, было бы весьма кстати отметить: одну из ключевых ролей в реформах Петра I играл именно Фик. Он был генератором идей, а если требовалось, становился их исполнителем. Например, когда коллегиальная реформа, порученная Петром Якову Вилюмовичу Брюсу, зашла в тупик, забуксовала, царь дал ему в помощники Фика. И дело сразу сдвинулось с места. А вскоре Брюс и вовсе устранился, и реформу завершал Фик. Так что можно смело согласиться с теми исследователями, которые считают, что господин Фик был частью великого времени петровских преобразований.

Очень большую роль сыграл Генрих Фик и в формировании у Петра I решения об учреждении в России института прокурорского надзора. Отправившись по заданию Петра Великого в Швецию для изучения и сбора необходимых для реформ материалов, Фик прекрасно справился с секретным поручением. Он собрал, как это видно из его записок, и вывез тайно оттуда несколько сот регламентов и разных ведомостей. Фик не раз бывал в Стокгольме. Документы, как позже писал он, «вшивал» под юбки жене и раздавал на временное хранение шкиперам, конечно материально их заинтересовывая. А «на возвратном пути из Швеции три раза находился в бедах от морского страху», на его глазах тонули корабли и гибли люди.

Интересно заметить, что именно после этих поездок Фик предложил русскому царю создать при Сенате особую канцелярию (1718 г.), а также ввести должность высшего полномочного лица в делах юстиции, который бы сдерживал власть Сената и которому бы были подчинены и фискалы²⁰. Думается, что прав был Н.В. Муравьев, увидевший в этом «сущность будущего прокурорского надзора»²¹.

Тем не менее было бы большой ошибкой утверждать, что Петр I, принимая через пять лет решение об учреждении института прокуратуры, внимал аргументам одного Фика. И об этом красноречиво свидетельствуют историко-юридические факты. Находясь в поиске, преобразователь России лично изучал этот вопрос, собирал разные мнения, документы, непосредственно сам выезжал в другие страны и присутствовал, в частности, на тех заседаниях, в которых принимали участие прокуроры.

Наиболее показательным видится выезд государя в 1717 г. во Францию. Здесь, в Париже, царь пожелал принять участие в заседании парламента — высшего суда королевства. И он был удостоен такой чести. 19 июня 1717 г. специально для него во Дворце правосудия на острове Сите было созвано высочайшее собрание. Важно отметить, что это собрание было проведено без всякой чрезвычайной нужды и к тому же в каникулярное время.

Архивы парижского парламента сохранили документы, в которых запечатлена эта встреча. В них описываются многие важные детали. Сообщается, что в тот день «господа председатели надели свои судейские шапочки и облачились в меха и мантии, отороченные горностаем»²². Одевались они так только тогда, когда сам король участвовал в заседании парламента. Перед открытием и закрытием заседания все присутствующие почтительно поклонились Петру I. В общем, в высоком собрании была создана обстановка, как при присутствии короля.

Основную часть заседания заняло рассмотрение «тяжбы между неким господином Бернаром и иными заинтересованными лицами». Заключение давал генерал-адвокат «монсеньор Гийом де Ламуаньон» (помощник генерального прокурора, который выступал с прокурорского места). Он очень лаконично резюмировал итоги, сделав реверанс в адрес русского царя. Прокурор сказал, что обстоятельство доложенного дела сами по себе столь незначительны и малы, что они недостойны внимания Петра Великого. В то же время он отметил, что «несмотря на закон, обязывающий их проявлять сдержанность, они не могут не поздравить парламент за ту честь, которую он оказывает ему своим присутствием»²³.

²² Charles Adrien Desmazes, *Le parlement de Paris*. Cosse et Marchal, Paris. 1860, pp. 221–222.

²³ *Ibid.* P. 221–222.

²⁰ Петровский С.А. Указ. соч. С. 127.

²¹ Муравьев Н.В. Указ. соч. С. 269.

Свою речь прокурор закончил очень красиво и пафосно: «...еще не было примеров тому, чтобы государь столь далекой от нас империи, такой могущественной как в Европе, так и в Азии, пожелал бы присутствовать на высоком собрании. Если истории будет угодно сохранить для будущих поколений добродетели и великие дела этого выдающегося человека своего времени, то храм правосудия должен считать этот день одним из самых памятных дней, и летопись парламента должна навсегда сохранить воспоминания о нем»²⁴.

Петр I, присутствующий на заседании вместе с переводчиком, очень внимательно слушал и следил за всем происходящим. Но более всего, как отмечал в своих воспоминаниях маркиз Данжо, на русского царя произвели впечатление «внешняя обстановка суда и одеяния судей»²⁵.

Думается, что увиденное и услышанное навсегда осталось в памяти государя. И когда он в 1722 г. принимал решение об учреждении прокуратуры и мысленно окидывал го-

ды прошедшие, то, безусловно, вспоминал и это событие. Так что еще за год до сделанного его голштинским советником предложения Петр I сам многое уже увидел и пощупал своими руками, пережил и передумал. Поэтому инициатива Фика легла на благодатную почву. Но царь еще целых пять лет хорошим лемехом пахал русское правовое поле, прежде чем нива будущей прокурорской жизни дала первые всходы.

Ну а что касается парламента Парижа, теперь в этом здании находится только Дворец правосудия. Через 296 лет автору статьи довелось побывать там. В нем 26–27 апреля 2013 года проходило заседание исполкома Международной ассоциации прокуроров (МАП), в котором принимали участие прокуроры со всех континентов, почти из 30 стран мира. Тогда нами была рассказана история, связанная с посещением Петром I этого присутственного места, и вручен Генеральному прокурору Апелляционного суда Парижа Ф. Фалетти, который в то время был еще и президентом МАП, маленький бронзовый бюст первого императора России. Вот так почти через 300 лет Петр Великий вернулся в Париж...

²⁴ Ibid.

²⁵ Journal du marguis de Dangeau. Paris, 1860. Т. 18. Р. 410–412.

Литература

1. Градовский А.Д. Администрация России XVIII ст. и генерал-прокуратуры. СПб., 1866.
2. Записные книжки И.Е. Забелина. 50-е годы XIX века // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. Т. V. С. 136.
3. Кареев Н. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. СПб., 1905. С. 8.
4. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. 161–162.
5. Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 305.
6. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 498.
7. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1889. С. 245.
8. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Прокуратура на Западе и в России. М., 1889.
9. Оболенский Дм. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1996. С. 397.
10. Петровский С.А. О сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 127.
11. Погодин М.П. Историко-критические отрывки по русской истории. М., 1846.
12. Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ми кн. Кн. 1–2. М., 1988. С. 228
13. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999. С. 348.
14. Charles Adrien Desmaze. Le parlement de Paris. Paris: Cosse et Marchal, 1860, pp. 221–222.
15. Journal du marguis de Dangeau. Paris, 1860. Т. 18. Р. 410–412.

Верность дореволюционных прокуроров Якутии идеалам судебной реформы 1864 г.

*Яковлев Николай Михайлович,
доцент кафедры арктического права и стран АТР
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,
прокурор в почетной отставке, старший советник юстиции,
кандидат юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Заслуженный юрист Республики Саха (Якутия)
nikolajyakovlev@mail.ru*

Статья посвящена позитивной деятельности отдельных работников царской прокуратуры в Якутии после проведения судебной реформы 1864 года. Автор на основании изучения архивных источников и материалов уголовных дел того времени полагает, что определенная часть гражданских прокуроров до 1917 года, юристы высшей квалификации, воспитанные на принципах судебной реформы 1864 года, проявляли лояльное отношение и понимание позиции по делам о вооруженных сопротивлениях политссыльных против полицейского произвола и в пределах своих правовых возможностей всячески стремились облегчить их тяжелую участь в Якутии.

Ключевые слова: дореволюционные прокуроры Якутии, выступления политссыльных в Якутии, «Монастырская трагедия. 1889 г.», «Романовский протест. 1904 г.».

Commitment of Prerevolutionary Prosecutors of Yakutia to the Ideals of the Judicial Reform of 1864

*Yakovlev Nikolay M.,
Assistant Professor of the Department of Arctic Law and Asia-Pacific Countries
of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Honorably Discharged Prosecutor, Senior Counsellor of Justice,
Candidate of Legal Sciences,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Sakha Republic (Yakutia)*

The article is devoted to positive activity of some prosecutors of the Tsarist Prosecutor's Office after The Judicial Reforms of 1864. The author based on archival sources and criminal cases materials of that times considers that before 1917 the certain part of civilian prosecutors, which was a lawyers of high qualification and brought up on principles of The Judicial Reforms of 1864, showed allegiance and position of comprehension in criminal cases about armed resistance of political exiles against police outrage and tried in every possible way to alleviate their heavy fate in Yakutia.

Key words: The pre-revolutionary prosecutors of Yakutia, Speeches of political exiles in Yakutia, "The Monastery Tragedy. 1889", "The Romanov's Protest. 1904".

Император Александр II эффективно провел судебную реформу 1864 года, которая повлекла преобразование прокурорского надзора, и органы прокуратуры начали действовать на принципах единоначалия и абсолютного подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим.

Профессиональный и моральный уровень прокурорского надзора возрастал по мере увеличения в его рядах лиц, получивших высшее юридическое образование в училище правоведения (Петербург), самом престижном учебном заведении Российского государства, которое было учреждено на базе Царского лицея,

созданного реформатором императором Александром I. Отличный профессорский и преподавательский состав, обеспечение студентов правовой литературой и нормативными актами, строгая дисциплина и высокие требования к студентам — все это давало возможность слушателям получать фундаментальную подготовку, позволявшую будущим прокурорам успешно осуществлять возложенные на них полномочия по надзору за исполнением законов¹.

¹ См.: Басков В.И. История прокуратуры Российской империи // Вестник Моск. ун-та. Серия 11 «Право». 1997. № 22. С. 10–11.

Уголовные процессы в отношении политических ссыльных в Якутии, вошедшие в историю под названием «Монастырская трагедия» (22 марта 1889 года) и «Романовский протест» (1904 год), получили широкую известность не только в России, но и за границей, вызывая всюду волну возмущения против политики царизма. Материалы расследования и судебного рассмотрения этих двух дел раскрывают, как в то время гражданские и военные прокуроры занимали полярно противоположные позиции по части осуществления прокурорского надзора по политическим делам.

Исследуя архивные документы, можем сделать вывод о том, что отдельные гражданские прокуроры в Якутии, руководствуясь принципом «Прокуратура есть орган закона, а не орган правительства», в пределах своих сил старались следовать требованиям российского процессуального закона о беспристрастности и объективности ведения следствия.

22 марта 1889 года в Якутске политические ссыльные, протестуя против полицейского произвола, оказали вооруженное сопротивление, в ходе которого 6 ссыльных и один городской погубили. Данное выступление «монастырцев» было спровоцировано и.о. губернатора П. Осташкиным. До февраля 1889 года Якутской областью управлял губернатор Светлицкий. По отзыву ряда ссыльных, это был порядочный человек, который не проявлял бездушия и формализма, не притеснял ссыльных и не стремился к ухудшению их и того тяжелого положения. В феврале 1889 года Светлицкого, покинувшего область, временно заменил вице-губернатор П. Осташкин, отличавшийся нескрываемой враждебностью к ссыльным и карьеристическими наклонностями. Он задался целью «подтянуть ссыльных», которые, по его мнению, были совершенно «распущены» его мягкотелым либеральным предшественником губернатором Светлицким. Уже 16 марта 1889 года, перед началом массовой отправки ссыльных на Север, Осташкин установил для них крайне стеснительные правила, которые ставили их на грань гибели во время следования на Север. Поэтому необычное волнение охватило всех ссыльных Якутска, когда они узнали о введении новых правил для отправки на Север. Это и толкнуло их на организацию вооруженного сопротивления.

Изучение автором материалов этого уголовного дела в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) показывает, что до приезда в Якутск военно-следственной комиссии из Иркутска проведение предварительного следствия поручили якутскому следователю Д.И. Меликову. Подобно большинству жителей города, он возмущался жестокой расправой над политссыльными и следствие вел достаточно беспристрастно, действуя в рамках процессуальных законов: выслушивал и записывал показания всех проходящих по делу лиц. Политссыльные не столько защищались и оправдывались, сколько сами резко обвиняли и.о. губернатора Осташкина. По требованию подследственных следователь Д.И. Меликов вызывал необходимых им свидетелей и устраивал с ними очные ставки. С приездом военно-следственной комиссии все изменилось. Если при следователе Д.И. Меликове политссыльные могли подробно обрисовать поведение якутской администрации, имея полную возможность свободно высказываться по этому вопросу, то члены военно-следственной комиссии повели дело совсем по-другому. Они почти не считались с показаниями заключенных и принимали на веру лишь то, что говорили свидетели со стороны обвинения — полицейские и солдаты, часть которых ложно оговорила некоторых «монастырцев», тем самым обрекая на смерть или бессрочную каторгу².

Дело рассматривала военно-следственная комиссия. Три человека были приговорены к смертной казни через повешение, 21 лицо отправлено на каторжные работы. На предвзятость приговора, в частности, указывает следующий факт: приговор вступал в силу только после утверждения его командующим войсками Иркутского военного округа. Осужденные требовали от суда, чтобы одновременно с делом отправили и их жалобы на явную незаконность приговора, тенденциозное ведение следствия и суда и целый ряд допущенных военно-судебной комиссией процессуальных нарушений. Обоснованность требований осужденных признавал и якутский прокурор Макаров, но председатель суда Савицкий отказался присоединять к делу жалобы «монастырцев». Подсудимым пришлось

² Кротов М.А. Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных. Якутск, 1974. С. 19–21.

за свой счет отправить свои жалобы в Иркутск.

Якутский прокурор Макаров и следователь Д.И. Меликов приговор военно-следственной комиссии считали жестоким и несправедливым. Поэтому они вместе с подсудимыми думали, что в Иркутске в случае более беспристрастного разбора дела смертная казнь будет отменена, а остальным мера наказания значительно смягчена. Но военно-следственная комиссия твердо следовала по прямому указанию царского правительства. Когда Александру III доложили о якутских событиях, то на представленном докладе сделал собственноручную надпись: «Необходимо примерно наказать, и надеюсь, что подобные безобразия более не повторятся»³.

Так был дан сигнал к судебной расправе над политическими ссыльными и уже предрешиен им жестокий приговор. Но, несмотря на это, гражданские: следователь Меликов и прокурор Макаров, впитавшие в себе принципы судебной реформы 1864 года, в пределах своих сил старались следовать требованиям прогрессивного российского процессуального закона «о беспристрастности и объективности ведения следствия».

Бесчеловечная расправа над «монастырцевцами», вырвавшая 9 человеческих жизней, взволновала общественное мнение не только в России, но и за ее пределами, вызывая сочувствие жертвам произвола царского правительства. Такой общественный резонанс трагических событий вынудил императора Александра III отказаться от назначения П. Осташкина губернатором Якутской области, и 26 мая 1889 года губернатором был назначен совсем другой человек, В.З. Коленко.

Подъем революционного движения в начале XX века и появление на политической арене нового министра внутренних дел и шефа жандармов фон Плеве, ревностного защитника царского трона, резко увеличили приток новых партий политссыльных в Якутию. Если за 1900–1901 годы сюда был сослан 21 революционер, то за 1902 год уже 51, за 1903 год 127, а за 1904 год 197, в том числе 100 человек за время с 1 по 17 февраля. В отчете якутского губернатора за 1903 год

сообщалось, что в области насчитывается уже 380 политссыльных и еще ожидается более 200 человек⁴. В 1903 году в Иркутск генерал губернатором Восточной Сибири назначается граф фон Кутайсов, а якутского губернатора Скрипицына (май 1892 г. — 1903 г.), заподозренного в «либерализме» и «заигрывании» с политическими ссыльными, заменил ретивый Булатов (1903–1907). Во время официального приема новый министр внутренних дел и шеф жандармов фон Плеве своим ставленникам дал понять, какова должна быть линия их поведения: «Всякое превышение власти покую, а послабления не потерплю». Поэтому скоро на политическую ссылку в Якутии обрушились жестокие, неправомерные притеснения и произвол местной царской администрации.

Новоиспеченный генерал-губернатор Кутайсов, задавшись целью «усмирить» и «подтянуть» политических за короткое время, пренебрегая существующими законоположениями и уставами, издал ряд неправомерных циркуляров, которые делали и без того тяжелую жизнь в ссылке совершенно невыносимой, мучительной. Наиболее неприемлемыми были: 1) № 942 от 16 августа 1903 года — о запрещении ссыльным свиданий с пересылаемыми товарищами под страхом перевода в отдаленные места Якутской области, вроде Нижнеколымска и Верхоянска; 2) № 1028 от 20 августа 1903 года — та же мера наказания устанавливалась для ссыльных за самовольные, в том числе и кратковременные, отлучки с места причисления, хотя последние в пределах каждого заседательского участка, охватывавшего несколько улусов, были официально разрешены в 1901 году; 3) от сентября 1903 года — о просмотре полицией всей личной корреспонденции ссыльных, который был отменен Правительствующим Сенатом по жалобе олекминских ссыльных в 1900 году⁵. Положение ссыльных ухудшалось с каждым днем. Полицейский произвол переходил все мыслимые границы. Для отмены кутайсовских циркуляров и изменения ре-

³ Дело о вооруженном сопротивлении государственных ссыльных от 22 марта 1889 года // Национальный архив Республики Саха (Якутия). Якутск. Ф. 192и. Оп. 19. Д. 1. Л. 459.

⁴ В Якутской неволе. Из истории политической ссылки в Якутской области: сборник. М., 1957. С. 160.

⁵ Теплов П. История Якутского протеста (дело «романовцев»). СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906. С. 18.

жима ссылки политссылные подняли вооруженный протест.

18 февраля 1904 года 57 политических ссыльных забаррикадировались в доме Романова, подняли красный флаг и выдвинули требования: немедленно отправить всех ссыльных, окончивших срок пребывания в области, на родину за казенный счет; отменить кутайсовские незаконные циркуляры. «Романовцы» на вооружении имели 13 револьверов, десятков дробовых ружей, 2 берданки, топоры и 20 финских ножей. «Романовцы», становясь на путь такого протеста, «думали, что настала уже пора массового вооруженного сопротивления российскому самодержавию, и что восстание, быть может, и не удачное, приучит к борьбе, и скоро вместо кучки в 57 человек выступит 57 сотен, тысяч, а может быть, и больше сознательных протестантов для окончательной победы над ненавистным врагом»⁶. В результате вооруженного протеста, которое продлилось 18 дней и ночей, погибли три человека (два солдата и один «романовец») и трое политссыльных были тяжело ранены.

После окончания следствия генерал-губернатор приказал передать дело для рассмотрения военному суду, квалифицируя как вооруженное восстание. Против военного суда решительно стали возражать сначала защитники «романовцев», а затем гражданский и военный прокуроры. Они убеждали генерал-губернатора Кутайсова о передаче дела на рассмотрение гражданского суда, который в худшем случае пошлет подсудимых на каторгу. Военный же суд непременно вынесет большинству участников вооруженного выступления смертный приговор, принимая во внимание и учитывая особо тяжкие последствия, особенно гибель двоих солдат. А это, **считали гражданский и военный прокуроры**, может привести к вспышке новых возмущений общественности, что весьма нежелательно было для царского правительства. Россия в это время стояла на пороге грозных революционных событий, потрясших ее в 1905 году.

В апреле 1905 года в Иркутске, во время пересмотра приговора Якутского гражданского окружного суда, прокурор, проявив свою беспристрастность и верность

⁶ Розенталь Н. «Романовка» (Якутский протест 1904 года). Из воспоминаний участника. Л.–М., 1924. С. 45.

принципам объективности, предложил отменить незаконные кутайсовские циркуляры и признать справедливость требований политических ссыльных. Судебная палата, соглашаясь с мнением прокурора, также признала, что жизнь в якутской ссылке и раньше «сама по себе являлась, конечно, крайне тягостью, безотраднью, могущею довести до отчаяния, кутайсовские же циркуляры еще более отягчали ее и ставили каждого ссыльного в безвыходное положение». Принимая во внимание эти обстоятельства, Судебная палата перед императором Николаем II ходатайствовала о снижении меры наказания до 2 лет каторжных работ⁷.

Позиция прокурора и Судебной палаты по поводу незаконности изданных генерал-губернатором циркуляров, а также общественный резонанс дела «романовцев» вынудили царское правительство отменить большинство циркуляров генерал-губернатора Кутайсова и смягчить режим в ссылке. Об этом достаточно убедительно свидетельствует А. Костюшко-Валужанич, который писал матери: «Режим в ссылке... изменился совершенно... практических результатов, имевшихся в виду при протесте, мы добились...»⁸

Таким образом, гражданский и военный прокуроры того времени **фактически спасли от смертной казни** политических ссыльных — участников романовского вооруженного выступления (1904 г.) и не допустили повторения смертных приговоров по делу «Монастырская трагедия» (1889 г.), участники которых, подняв протест против произвола царской администрации, стали жертвами жестокой расправы. Шестеро «монастырцевцев» были убиты в день протеста, а трое повешены по приговору суда⁹.

Таких прокуроров, преданных служению закону, мечтал воспитывать и хотел видеть в рядах сотрудников прокуратуры министр юстиции и генерал-прокурор Николай Валерианович Муравьев, талантливейший из прокуроров, выдающийся юрист и блестящий судебный оратор, человек, с честью про-

⁷ Кротов М.А. Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных. Якутск, 1974. С. 66.

⁸ Колпенский В. Якутская ссылка и дело романовцев. СПб., 1920. С. 62.

⁹ Романов И. Предисловие к книге М.А. Кротова «Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных». Якутск, 1974. С. 3.

шедший все ступени прокурорской иерархии — от кандидата на судебные должности до обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. Именно о таких прокурорах того времени, отмечая стремление прокуроров служить прежде всего закону и государству, Н.В. Муравьев писал, что «прокурор — блюститель закона, естественно, служит в то же время и представителем публичных интересов»¹⁰.

¹⁰ Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М., 1889. С. 5.

Таким образом, изучение архивных источников и материалов уголовных дел того времени дает основания автору полагать, что определенная часть гражданских прокуроров и судей до 1917 года, юристы высшей квалификации, воспитанные на принципах судебной реформы 1864 года, проявляли лояльное отношение (и понимание) к позиции восставших политссыльных против произвола властей и в пределах своих правовых возможностей всячески стремились облегчить их тяжелую участь в Якутии.

Литература

1. Басков В.И. История прокуратуры Российской империи // Вестник Моск. ун-та. Серия 11 «Право». 1997. № 22. С. 10–11.
2. В Якутской неволе. Из истории политической ссылки в Якутской области: сборник. М., 1957. С. 160.
3. Дело о вооруженном сопротивлении государственных ссыльных от 22 марта 1889 года // Национальный архив Республики Саха (Якутия). Якутск. Ф. 192и. Оп. 19. Д. 1. Л. 459.
4. Колпенский В. Якутская ссылка и дело романовцев. СПб., 1920. С. 62.
5. Кротов М.А. Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных. Якутск, 1974. С. 19.
6. Кротов М.А. Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных. Якутск, 1974. С. 66.
7. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М., 1889. С. 5.
8. Розенталь Н. «Романовка» (Якутский протест 1904 года). Из воспоминаний участника. Л.–М., 1924. С. 45.
9. Романов И. Предисловие к книге М.А. Кротова «Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных». Якутск, 1974. С. 3.
10. Теплов П. История Якутского протеста (дело «романовцев»). СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906. С. 18.

История возникновения и развития института понятых в российском судопроизводстве

*Минаев Александр Викторович,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
юридического факультета Тувинского государственного университета,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук,
докторант Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
член Ассоциации юристов России,
член Российской академии юридических наук,
профессор Академии военных наук
aleksan-mina@mail.ru*

*Рыженкова Зоя Владимировна,
студент очной формы обучения юридического факультета
Тувинского государственного университета
zoya8161@mail.ru*

В статье рассматриваются правовые вопросы института понятых, который существует уже более четырехсот лет. Проводится сравнительный историко-правовой анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и Соборного уложения 1649 г.

Ключевые слова: закон, судопроизводство, история, право, статья, институт, граждане, понятые, устав, суд.

History of Origination and Development of the Institute of Witnesses to the Search in the Russian Judicial Proceedings

*Minaev Aleksandr V.,
Dean of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Law Faculty of the Tuvan State University,
Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Candidate of Legal Sciences,
Doctoral Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Member of the Association of Russian Lawyers,
Member of the Russian Academy of Legal Sciences,
Professor of the Academy of Military Sciences*

*Ryzenkova Zoya V.,
Intramural Student of the Law Faculty
of the Tuvan State University*

The article deals with the legal issues of the Institute of witnesses, which has existed for more than four years. Conduct a comparative historical and legal analysis of the Charter of criminal proceedings in 1864 and 1649 Council Code.

Key words: law, legal proceedings, history, law, art, college, nationals, witnesses, regulations, court.

Институт понятых выступает в качестве одного из консервативных и стабильных институтов российского судопроизводства, это одна из самых древних форм общественного контроля. Участие граждан в роли понятых при проведении различных следственных действий представляется результатом много-

летней эволюции права. Институт понятого существует уже более четырехсот лет.

Впервые институт понятых в русском законодательстве упоминается в Соборном уложении 1649 года. Исходя из содержания статьи 87 главы X Соборного уложения следует, что понятыми могли быть «сторонние

люди, добрые, кому можно верить». В указанном нормативно-правовом акте того времени впервые не только определено само понятие «понятые», но и рассматривается, можно сказать, современный институт понятых (статья 139 главы X «О суде») [2]. Уголовный процесс, закрепленный в Соборном уложении 1649 г., не был обособлен от гражданского. Целью для установления института понятых выступило противодействие злоупотреблениям должностных лиц. В самом тексте уложения было отмечено, что сторона, которая проиграла процесс, может фальсифицировать доказательства с помощью должностных лиц. Понятые, согласно Соборному уложению, это посторонние люди, добрые, кому можно верить [3, с. 25].

Однозначно, что введение института понятых для инквизиционного процесса было бесспорно эволюционным явлением. В настоящее время, когда уголовный процесс носит состязательный характер, единственным критерием достоверности фактов является свободное убеждение суда или присяжных заседателей, определенное в результате рассмотрения и анализа доказательств в суде [3, с. 29].

По субъективному мнению некоторых юристов, законодатель тех времен введением Соборным уложением понятых решал двойственную задачу: во-первых, извлечь от них физическую помощь, во-вторых, в их лице иметь свидетелей деятельности должностных лиц. К такому выводу мы пришли, анализируя текст Соборного уложения 1649 г. Например, исходя из смысла статьи 139 уложения явствует, что в тот период понятые помогли в гарантии явки ответчика в суд.

В Соборном уложении также существовали статьи, которые предполагали, что понятые могли участвовать при преследовании преступника по следам, а также в их обязанности входило удостоверить факт сопротивления ответчика должностным лицам при оформлении на него явки в суд.

Подвергая анализу положения Соборного уложения 1649 г., следует сделать вывод, что институт понятых даже в то время был урегулирован довольно подробно. А именно: уже тогда была установлена та совокупность процессуальных действий, в которых требовалось участие понятых (преследование преступника по следам, удостоверение факта сопротивления ответчика должностным лицам при оформлении на него явки в суд); закреплен порядок выражения в протоколе факта участия понятых (либо удостоверение факта

производства следственного действия подписью понятых, либо просто указывался в протоколе факт присутствия понятых); определены правила, которые должны исполнять понятые; установлена ответственность как за физическое насилие в сторону понятых, так и за психическое давление, оказываемое на них, вдобавок за совершение неправомерных действий понятыми устанавливалась ответственность [2].

Нужно также отметить, что с принятием Соборного уложения понятые брались под особую защиту и обеспечивалась их личная безопасность. Например, в статье 142 уложения отмечалось, что тот человек, который причинит понятому материальный вред, обязан будет возместить его вдвое. А также тот, кто причинит физические страдания понятому либо убьет его, подвергнется смертной казни, а материальный вред будет взыскан с его имущества [5, с. 45].

Следует отметить, что Соборным уложением не только было впервые введено в уголовный процесс того времени такое лицо, как понятой, но и были зафиксированы и действующие в настоящее время правовые нормы, такие как понятие понятого, его права, обязанности, ответственность за воспрепятствование деятельности понятого.

Институт понятых, установленный Соборным уложением 1649 года, практически в первоначальном виде зафиксирован в Артикуле воинском (1715) [6], Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845), Уставе уголовного судопроизводства (1864) [2].

Указом императора Николая I от 15 августа 1845 года было установлено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, начавшее действовать только с 1 мая 1846 года. В действительности уложение явилось первым уголовным кодексом царской России, потому что предыдущие нормативные акты, как правило, содержали в себе совокупность норм нескольких отраслей права. Исходя из этого, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных императора Николая I выступает в качестве самого первого кодифицированного источника уголовного права России.

При правлении Николая I, в 1832 году, многократно поднимался вопрос о создании нового уголовного уложения, и император сам организовал особую комиссию и назначил руководителем М.М. Сперанского для создания нового уложения. По мнению М.М. Сперанского, уложение считалось высшей формой кодификации, а основанием для него должен был выступать свод законов.

Вместе с тем все законодательные инициативы в то время, например о создании гражданского уложения, проходили в русле приведения в порядок и ясность существующие законы.

Впрочем, во второй четверти XIX века существовало крепостническое государство, и ему остро требовался специализированный кодекс, который бы содержал классификацию всех преступлений и систему полагающихся наказаний. В связи с этим второе отделение канцелярии Николая I под предводительством Д.М. Блудова начало разрабатывать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. По рекомендации Николая I составители законопроекта не должны были создавать новое уложение, а должны были привести в порядок существующие нормы уголовного процесса, то есть придерживаться основных начал законодательства, фундаментом для этого стало Соборное уложение 1649 года. В это же время разрешалось, с целью устранения неточностей и разногласий, провести редакционную правку ранее действующих норм, а также вставить лишь часть дополнений, продиктованных практикой и временем [2].

Как ранее отмечалось, впервые институт понятых был введен в Соборном уложении 1649 г., далее, во всех последующих принятых законах, понятых определяют как не заинтересованных в деле лиц. Но лишь в 1864 году в Уставе уголовного судопроизводства был сформулирован четкий перечень лиц, которые имели право участвовать в деле в качестве понятых. В ранее принятых сводах, уложениях не определялся круг понятых [7].

Важно заметить, что перед утверждением Устава уголовного судопроизводства указом Александра II в 1864 году произошло реформирование государства, которое повлекло за собой падение крепостного права, и Россия перешла на новый путь социально-экономического развития.

Непосредственно Устав уголовного судопроизводства явился прогрессом в общественной и политической жизни России, и заключался он в трех книгах, которые были распределены по разделам, включающим в себя 60 глав. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. указывалось, что в присутствии понятых должны производиться осмотры и освидетельствования [4]. В качестве понятых при осмотре или освидетельствовании привлекались ближайшие жители, которые пользовались общественным доверием, например, хозяева торговых за-

ведений, управляющие, землевладельцы. А если происходили случаи, не терпящие отлагательств, то следователь мог пригласить иных лиц.

Из этого следует, что Устав уголовного судопроизводства отличался от ранее принятых судебных актов, так как именно в нем была установлена категория лиц, которые могли участвовать в роли понятых, в то же время к данным лицам не были отнесены крестьяне и рабочие, но в исключительных случаях, если эти люди пользовались общественным доверием, они могли участвовать в качестве понятых. Важно заметить, что впервые было установлено минимальное число понятых, которые приглашались к осмотру или освидетельствованию, их должно было быть не менее двух.

Одновременно законодатель предъявил особые требования к лицам, участвующим в качестве понятых, а именно при производстве следственных действий, таких как осмотр или освидетельствование лиц женского пола, обязательно необходимо было пригласить в роли понятых замужних женщин. Но при осмотре или освидетельствовании лиц мужского пола особых требований к полу и статусу понятых не излагалось.

Особенной рекомендацией для практических работников при приглашении и выборе понятых было то, что женщин приглашать для участия в качестве понятых можно было только в исключительных случаях, когда недоставало мужчин, и вообще, не принято было приглашать женщин, только в случае, описанном выше.

Именно в Уставе уголовного судопроизводства институт понятых не только был сохранен, но и значительно развивался и расширялся. Как отмечалось ранее, не только регулировались случаи, для которых необходимо было привлекать понятых, но и закреплялось их правовое положение, включающее права, обязанности, ответственность за неисполнение обязательств понятого. Так, Устав уголовного судопроизводства закреплял, что у понятого существует право заявлять свое мнение, которое должно заноситься в протокол. Например, при осмотре трупа понятые могли сами заявлять свое мнение относительно действий врача, если они ему покажутся подозрительными. Также устав предусматривал, что перед обыском следователь обязан был объявить хозяину помещения или дома, понятым, с какой целью проводится обыск, по какому конкретному делу он необходим [2].

Следовательно, Устав уголовного судопроизводства установил не только конкретные права лиц, участвующих в качестве понятых в целом (право заявлять свое мнение, которое должно вноситься в протокол), но и особенности — при производстве единичного следственного действия. Также учитывалась и ответственность понятых, например, при неявке к следователю без уважительной причины. В данном случае понятой подвергался денежному взысканию. А если он докажет уважительность причины неявки в течение двух недель со дня наложения на него взыскания, то следователь обязан освободить его от взыскания.

Принимая во внимание тот факт, что в настоящее время граждане неохотно изъявляют желание принимать участие в производстве следственного действия и могут отказаться от участия в последнем, не объясняя причину отказа, внедрение института ответственности за отказ от участия в уголовном процессе является значительным шагом. Представляется логичным, что если закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве права и обязанности понятых, то необходимо установить и их ответственность.

Актуальными в настоящее время являются некоторые нормы Устава уголовного судопроизводства, например, в ст. 357 указывалось, что обыск в бумагах необходимо производить с осторожностью, оглашать и предъявлять понятным следует только те документы, которые относятся к расследуемому делу.

Несмотря на то что вышерассмотренная норма относится только к осмотру документов, мы считаем, что в современный период необходимо законодательно закрепить эти положения, так как нередко следователями изымаются предметы и документы, которые не относятся к расследуемому уголовному делу.

В Уставе уголовного судопроизводства также были предусмотрены и необходимые требования к оформлению процессуальных документов, например, определялось, что в протоколе следственного действия должны присутствовать обязательные блоки: кто составил протокол, в каком месте, какое было произведено следственное действие, кто участвовал в его производстве, что было обнаружено в ходе его проведения, какие предметы изымались и как они были упакованы, возражения и замечания присутствующих лиц, подписи участников следственного действия [1].

Подводя итог анализу Устава уголовного судопроизводства 1864 г., полагаем необходимым отметить, что, по сравнению с Соборным уложением 1649 г., он явился колоссальным шагом в процессе эволюции уголовного процесса и приблизил российское законодательство к становлению современного института понятых. Следовательно, образование и развитие института понятых обуславливалось эволюционированием уголовно-процессуального законодательства.

Литература

1. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах: В 2-х ч. 7-е изд. Петербург, 1915. С. 166.
2. Минаев А.В., Кечил Д.И., Чепунов О.И. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие. Кызыл: Ред.-изд. отдел ТувГУ, 2014. 378 с.
3. Михайлов, А. Институт понятых — архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 25, 29.
4. Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. Том 8: Судебная реформа. Учреждение судебных установлений. Устав уголовного судопроизводства. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М., 1991. С. 152.
5. Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии / Г.В. Абрамович [и др.]; редкол.: В.И. Буганов, М.П. Ирошников, А.Г. Маньков, В.М. Панеях. Л., 1987. 448 с.
6. Суд и уголовный процесс при Петре I и его преемниках // В кн.: Чельцов-Бebutov, М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 688.
7. Хитрова, О.В. Развитие института понятых в УПК РФ // Адвокатская практика. 2005. № 3. С. 40.

Исторические предпосылки формирования института исполнения приговора в российском уголовно-процессуальном праве

*Качалов Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовно-процессуального права,
криминалистики и судебной экспертизы имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
okukel@yandex.ru*

В статье дается анализ формирования исторических предпосылок формирования уголовно-процессуального института исполнения приговора, определяются основные этапы его развития. Автор приходит к выводу о том, что генезис данного института идет по пути расширения полномочий суда на данной стадии производства по делу, последовательной, более четкой и детальной регламентации процессуального порядка решения возникающих в данной сфере вопросов, расширения процессуальных возможностей участников данного производства.

Ключевые слова: исполнение приговора, уголовно-процессуальные правоотношения, генезис уголовно-процессуального института исполнения приговора, судебная деятельность, процессуальный порядок, стадия исполнения приговора.

Historical Prerequisites to Establishment of a Sentence Execution Institute in the Russian Criminal Procedure Law

*Kachalov Viktor I.,
Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Criminalistics
and Forensic Examination named after N.V. Radutnaya
of the Russian State University of Justice,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article analyzes the formation of the historical background of formation of criminal procedure institute of execution, identifies the main stages of its development, the author comes to the conclusion that Genesis of the Institute is on the expansion of court powers at this stage of the proceedings, consistent clearer and more detailed regulation procedural order Resolving issues in this area, the expansion of the capacity of members of the process of production.

Key words: execution of the sentence, the criminal legal proceedings, the genesis of criminal procedure institute enforcement, judicial activities, remedial order, execution stage.

Специфика института исполнения приговора заключается в тесной взаимосвязи различных видов правоотношений, регулирующих исполнение приговора: уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных. Эти особенности применительно к нормативному регулированию исполнения приговора выразились в том, что нормы, определяющие порядок исполнения судебных решений, содержались в нормативно-правовых актах, относящихся не только к историческим источникам уголовно-процессуального, но и уголовного и уголовно-исполнительного права.

Традиционно в истории уголовно-процессуального права России выделяется несколько исторических периодов. Ретроспективный

взгляд на исполнение приговора в российском уголовном процессе позволяет сделать вывод о том, что основные исторические периоды в его развитии находятся в контексте общего развития российского уголовно-процессуального права и могут быть определены как:

1. Дореформенный период (до великой судебной реформы 1864 г.).
2. Период от принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до 1917 г.
3. Советский период (1917–2001 гг.).
4. Современный период (с 2001 г.).

Дореформенное развитие российского уголовного процесса, на наш взгляд, заложило важнейшие основы уголовно-процессуального права, ряда его норм и институтов. Цельный

ряд норм, определяющих порядок исполнения уголовных наказаний, содержался в «Русской Правде» и ее ранней редакции — «Краткой Правде», судебниках 1497 г. и 1550 г. и ряде других нормативно-правовых актов¹. Уголовно-процессуальные нормы, позволяющие определить виды наказания и некоторые вопросы их исполнения, мы находим в Судебнике 1497 г., Соборном уложении 1649 г. (глава XXI)².

В Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1716 г. и Артикуле воинском была произведена первая систематизация уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, в них также содержался ряд норм в сфере исполнения наказаний, которые могут быть условно отнесены к категории уголовно-процессуальных.

Первая в российской истории кодификация законодательства, проведенная в 1832 г., внесла упорядоченность в систему отечественных правовых норм. Свод законов Российской империи был составлен на основе действовавшего до этого законодательства, в нем сохранился дух и содержание законов XVII–XVIII вв. В Своде законов Российской империи, в целом ряде глав (гл. 10–12 и др.), были предусмотрены нормы, определяющие некоторые особенности исполнения приговоров³.

Таким образом, на данном этапе развития были заложены отдельные предпосылки для формирования уголовно-процессуального института исполнения приговора.

Начало следующего этапа развития данного института в российском уголовном процессе связано с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Судебная реформа, являясь логическим продолжением других важнейших преобразований в обществе того периода (освобождения крестьян, отделения судебной власти от административной и т.д.), предопределила идеологические и мировоззренческие основы изменения уголовно-процессуального законодательства.

Участие значительного количества высококлассных юристов обеспечило реформе прочный научный фундамент⁴.

В Уставе уголовного судопроизводства впервые появляется целый раздел (раздел шестой), посвященный исполнению уголовных приговоров, состоящий из глав, регламентирующих порядок вступления приговоров в законную силу; «обязанностей разных властей по исполнению приговоров»; порядку исполнения приговоров⁵.

В этом разделе появился ряд процессуальных норм, регламентирующих порядок исполнения итоговых судебных решений, которые существуют и в современном уголовно-процессуальном законодательстве: момент вступления приговора в законную силу (ст. 957), предоставление осужденному свидания с родственниками до обращения приговора к исполнению (ст. 962), отсрочка исполнения приговора (ст. 959).

Отдельного внимания заслуживает разграничение полномочий должностных лиц по исполнению приговора, регламентированное Уставом уголовного судопроизводства.

Объявление подсудимого оправданным или освобожденным от наказания, объявление ему внушения, замечания или выговора было отнесено к обязанностям судов (ст. 947); распоряжения по исполнению приговора осуществлялись прокурором (ст. 948–949); часть полномочий по исполнению приговора была отнесена к компетенции полиции (ст. 950), губернского правления (ст. 951), духовного ведомства (ст. 952–953), судебных приставов (ст. 954).

Таким образом, можно сделать вывод, что в XIX веке в российском уголовно-процессуальном законодательстве были заложены важнейшие элементы правовых основ института исполнения наказания. К началу XX века единых подходов к сущности института исполнения приговора в науке уголовно-процессуального права не существовало. И.Я. Фойницкий считал исполнение приговора полноценной самостоятельной частью уголовного судопроизводства. Особую роль уделял И.Я. Фойницкий деятельности суда на данном этапе

¹ Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. У истоков российского уголовного судопроизводства. К тысячелетию Русской Правды. М., 2015; Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 352.

² Чельцов-Бебутов М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. С. 657–658, 680–681.

³ Свод законов Российской империи. Том 15: Законы уголовные. СПб., 1857 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf>.

⁴ Трусов А.И. Образец законотворчества и правовой культуры // Судебные Уставы 20 ноября 1864 года (Классика российского права) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Устав Уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/57791498/49>.

производства по делу. «Исполнение приговора, — писал ученый, — должно быть... поставлено под контроль суда», которому должно принадлежать право наблюдения за исполнением приговоров, как в порядке обжалования, так и в порядке ревизионном⁶.

С.И. Викторский и Н.Н. Розин полагали, что производство по исполнению приговора выходит за пределы уголовного судопроизводства, поскольку с вступлением приговора в законную силу работа суда, как правило, заканчивается, а приговор приводится в исполнение иными органами⁷.

В 1917 году поступательное развитие российского уголовного-процессуального права было прервано. Прежняя судебная система была упразднена Декретом о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Отказ от существующей системы уголовного судопроизводства и большинства процессуальных норм и институтов, попытка построения принципиально новой системы уголовной юстиции были подчинены задачам строительства советского общества и кардинально новой правовой системы.

Однако спустя непродолжительное время министр юстиции Н.В. Крыленко писал о том, что у большевиков нет «продуманных концепций, теоретических воззрений в судебно-правовой сфере, что, разрушив старую судебную систему, взамен обществу ничего не предложили⁸. Это привело к тому, что в первом советском УПК РСФСР в части, касающейся исполнения приговоров (глава XXXII), был воспроизведен ряд положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Появился в этой главе и целый ряд новых норм⁹.

Статьи 454–455 УПК РСФСР определяли, что приговор обращается к исполнению судом, его постановившим, и приводится в исполнение немедленно по вступлении его в законную силу, за некоторым исключением (приговор о лишении ордена Красного Знамени вступает в законную силу и приводится в исполнение лишь по утверждении приговора в этой части Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета).

⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 568–569.

⁷ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 418; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие по лекциям. 3-е изд. СПб.: Право, 1916. С. 567.

⁸ Крыленко Н.В. Судопроизводство РСФСР. М., 1923. С. 28.

⁹ УПК РСФСР 1923 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Статьи 456–458 УПК РСФСР предусматривали отсрочку приведения в исполнение приговора и возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Статьи 461–462 УПК РСФСР впервые в истории отечественного уголовно-процессуального законодательства регламентировали судебную деятельность на стадии исполнения приговора, определяя суды, полномочные рассматривать данные вопросы, процессуальный порядок их решения. Вопросы, касающиеся исполнения приговора, решались судом в судебном заседании с извещением прокурора и осужденного, а в некоторых случаях и с участием гражданского истца (когда подлежит рассмотрению вопрос, связанный с приведением в исполнение приговора в части, касающейся гражданского иска).

Специфика правового регулирования отношений, возникающих в сфере исполнения наказаний, в сталинский период обусловлена усилением уголовной репрессии и отступлением от судебного порядка ее применения. В таких условиях приоритетным направлением развития законодательства в данной сфере стало развитие уголовно-исполнительного законодательства и системы исполнения наказаний в целом.

Вопросы правового регулирования исполнения приговора и судебной деятельности на данной стадии в тот исторический период практически не исследовались уголовно-процессуальной наукой.

Принятие в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и на его основе в 1960 г. — Уголовно-процессуального кодекса РСФСР стало новой вехой в развитии института исполнения итоговых судебных решений. В основу вышеуказанных процессуальных актов легли достижения науки и практики уголовного судопроизводства довоенного периода, предшествующего уголовно-процессуальному праву, а также выработанные международным сообществом стандарты в области обеспечения прав и свобод человека.

Существенное развитие в УПК РСФСР 1960 г. получили вопросы, касающиеся исполнения приговора (раздел V). Были значительно расширены полномочия судов в решении вопросов исполнения приговоров.

Статьи 356–359 УПК РСФСР определяли порядок вступления приговора в законную силу и приведения его в исполнение, ст. 361 — отсрочку исполнения приговора, ст. 362 — освобождение от отбывания наказания по болезни, ст. 363 — условно-досрочное освобождение от наказания и заме-

ну наказания более мягким. Статья 364 УПК РСФСР подробно регламентировала вопросы судебной деятельности по изменению условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы, во время отбывания наказания, ст. 365 — вопросы замены наказания, ст. 368 определяла подсудность уголовных дел в части, касающейся исполнения приговоров, ст. 369 — процессуальный порядок решения вопросов, связанных с исполнением приговора. Все вопросы, связанные с исполнением приговора, решались судьей в судебном заседании, в которое, как правило, вызывался осужденный (а в случаях, если вопрос касался исполнения приговора в части гражданского иска, — и гражданский истец), а также представители органов, исполняющих наказание.

В 1964 году Пленумом Верховного Суда СССР было принято постановление «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговоров»¹⁰.

Повышенное внимание законодателя и правоприменителей к вопросам исполнения приговора оживило научные исследования рассматриваемой проблемы в период с 60-х гг. XX в.

Был издан ряд монографических исследований и статей, посвященных данному вопросу¹¹.

Н.С. Алексеев, В.Г. Даев и Л.Д. Кокорев отмечали, что среди проблем стадии исполнения приговора для уголовно-процессуальной теории одним из основных стал вопрос о сущности этой стадии, поскольку от его решения зависела разработка всех других вопросов этой стадии процесса¹². Уголовно-процессуальная наука постепенно пришла к тому, что

широкое толкование стадии исполнения приговора, включающее всю совокупность действий по его реализации¹³, сменилось пониманием того, что сущность этой стадии «состоит лишь в судебной деятельности по обращению приговоров к исполнению, реализации некоторых приговоров и рассмотрению отдельных вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора»¹⁴.

Существенный вклад в развитие уголовно-процессуальной науки в данной сфере внесло диссертационное исследование В.В. Николюка «Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР» (1990)¹⁵.

Важнейшими вопросами, которые разрабатывались процессуальной наукой, были вопросы о процессуальной форме стадии исполнения приговора, а также о необходимости расширения участия в этой стадии процесса заинтересованных участников уголовного судопроизводства. Они стали особенно актуальными после принятия в 1993 г. Конституции РФ, провозгласившей курс на обеспечение прав и свобод человека как основной вектор общественного развития.

С принятием нового УПК РФ в 2001 г. начался новый этап в развитии отечественного уголовно-процессуального права, который существенным образом повлиял и на развитие института исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то что УПК РФ значительно более детально регламентировал процессуальную деятельность на данном этапе, целый ряд вопросов остался так и нерешенным и требующим пристального внимания со стороны законодателя и науки уголовного-процессуального права. Стала набирать обороты дискуссия о необходимости введения в России фигуры пенитенциарного судьи, который мог бы решать в упрощенных формах ряд вопросов, касающихся исполнения приговоров¹⁶, расширения участия в этой

неж: Изд-во Воронежского университета, 1980. С. 226–227.

¹⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. Ч. 2. М., 1978. С. 367–371.

¹¹ Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963; Куцова Э.Ф. Исполнение приговора. М., 1960; Литвинов Р.В. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964; Матвиенко Е.А. Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968; Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978; Ткачевский Ю. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962; Евтеев М.П. Погашение и снятие судимости. М., 1964; Лупинская П., Сперанский И. Порядок разрешения вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора // Соц. законность. 1967. № 2.

¹² Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки уголовного процесса. Воро-

¹³ Аврах Я.С. Исполнение приговора по УПК РСФСР // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Казань, 1961. С. 190–191; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 475.

¹⁴ Матвиенко Е.А. Указ. соч. С. 35; Литвинов Р.В. Указ. соч. С. 13; и др.

¹⁵ Николюк В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

¹⁶ Руднев В.И. Пенитенциарный судья: к вопросу о судебном контроле за исполнением

стадии процесса заинтересованных участников уголовного судопроизводства и увеличения объема их процессуальных полномочий, совершенствования процедуры судебного рассмотрения вопросов в стадии исполнения итоговых судебных решений и др.

Анализ развития российского законодательства об уголовно-процессуальных вопросах исполнения приговора позволяет сделать следующие выводы.

Специфика правоотношений, возникающих в ходе исполнения приговора, заключается в тесной взаимосвязи уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных отношений и регулировании всего комплекса этих правоотношений на протяжении длительного исторического периода развития России нормативно-правовыми актами, исторически относящимися к

источникам уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права.

В формировании института исполнения приговора в российском уголовном процессе можно условно выделить четыре исторических периода: дореформенный (до великой судебной реформы 1864 г.); период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (1864–1917 гг.); советский (1917–2001 гг.); современный (постсоветский) период (с 2001 г.).

Тенденция развития исполнения приговора как самостоятельного института уголовно-процессуального права была явно обозначена с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства, где нормы, посвященные процессуальным вопросам исполнения приговора, были выделены в отдельную главу. В начале XX века проводятся первые серьезные научные исследования по данному вопросу.

Генезис института исполнения приговора в уголовном процессе идет по пути расширения полномочий суда на данной стадии производства по делу, последовательной, более четкой и детальной регламентации процессуального порядка решения возникающих в данной сфере вопросов, расширения процессуальных возможностей участников данного производства.

наказаний // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 32–34; Муратова Н.Г. Судебный контроль в пенитенциарной системе // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. М., 2004. № 3. С. 84–86; Гапонов Е.Н. К вопросу об учреждении пенитенциарных судов в судебной системе России // Российский судья. 2008. № 8. С. 10–13.

Литература

1. Аврах Я.С. Исполнение приговора по УПК РСФСР // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Казань, 1961.
2. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980.
3. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912.
4. Гапонов Е.Н. К вопросу об учреждении пенитенциарных судов в судебной системе России // Российский судья. 2008. № 8. С. 10–13.
5. Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. У истоков российского уголовного судопроизводства. К тысячелетию Русской Правды. М., 2015.
6. Крыленко Н.В. Судопроизводство РСФСР. М., 1923.
7. Куцова Э.Ф. Исполнение приговора. М., 1960.
8. Литвинов Р.В. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964.
9. Лупинская П., Сперанский И. Порядок разрешения вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора // Соц. законность. 1967. № 2.
10. Матвиенко Е.А. Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968.
11. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003.
12. Муратова Н.Г. Судебный контроль в пенитенциарной системе // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. М., 2004. № 3. С. 84–86.
13. Николук В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
14. Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963.
15. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие по лекциям. 3-е изд. СПб.: Право, 1916.
16. Руднев В.И. Пенитенциарный судья: к вопросу о судебном контроле за исполнением наказаний // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 32–34.
17. Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978.
18. Трусов А.И. Образец законотворчества и правовой культуры // Судебные Уставы 20 ноября 1864 года (Классика российского права) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
19. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996.
20. Чельцов-Бebutov М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957.

Закон и обычай в регулировании деятельности волостных судов в делах о наследстве (на материалах Архангельской губернии в период с 1861 по 1917 г.)

*Соснина Мария Александровна,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Высшей школы экономики, управления и права
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
SosninaAGTU@yandex.ru*

Предметом исследования являются обычно-правовые основы деятельности волостных судов в спорах о наследстве в период с 1861 по 1917 г. В частности, противоречия между официальным законодательством и крестьянской правовой культурой по вопросам наследства приводили на практике к полемике в крестьянской среде на уровне волостной юстиции и администрации. На основе осмысления архивного материала, вводимого в научный оборот впервые, обоснованы выводы о том, что трансформация крестьянского наследственного права происходила в свете экономических, социальных и законодательных изменений второй половины XIX — начала XX века.

Ключевые слова: наследственное право, закон, обычай, волостной суд, право труда, договор, завещание.

Law and Tradition in Regulation of the Volost Court Activity in Inheritance Cases (Based on the Materials of the Arkhangelsk Province for the Period from 1861 to 1917)

*Sosnina Maria A.,
Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Higher School of Economics, Management and Law
of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov*

The subjects of research are custom and law basics of activities of the volostnoy courts about cases of inheritance in the period from 1861 to 1917. In particular, the contradictions between the official legislation and peasant legal culture in the problem of inheritance have led in practice to the controversy among the peasants at the level of volostnoy justice and administration. Based on the understanding of archival material, introduced into scientific circulation for the first time, justifies the conclusion that the transformation of a peasant inheritance law occurred in the light of economic, social and legislative changes of the second half of XIX — early XX century.

Key words: inheritance law, law, custom, regional (volost) court, the right of labour, the contract, testament.

Отечественное законодательство второй половины XIX — начала XX в. впитало в себя многовековой опыт регулирования наследственных отношений. Однако регламентация наследственного права X томом Свода законов Российской империи не коснулась большей части населения страны — крестьян. Никто не объяснял крестьянину, что после его смерти его усадьба должна быть разделена поровну между его сыновьями, с выделом 1/7 части его жене и по 1/14 части дочерям. Практиковать это правило по отно-

шению к крестьянскому имуществу — значит уничтожить его хозяйство и разорить всю семью¹.

В указанный период наследственные отношения среди свободных сельских обывателей определялись обычаем, закрепленным в качестве источника права на законодательном уровне: «В порядке наследования иму-

¹ См. подр.: Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб.: Изд-во А. Е. Ландау, 1879.

ществом крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями»². Административно-судебные реформы 1889 и 1912 гг. оставили данную норму без изменений. Противоречия между крестьянской правовой культурой и официальным законодательством по вопросам наследования, в особенности с проведением судебной реформы 1864 г., буржуазной по своей сути, приводили к полемике не только в правительственных и научных кругах и публицистике, но и в крестьянской среде на уровне волостной юстиции и администрации.

В противовес либеральному лагерю в необъявленной войне защитников двух отечественных правовых систем, буржуазной и традиционной, исследователи обычного гражданского права выступали за сохранение обычая в качестве источника права и учет их при составлении нового гражданского уложения. Например, Н. Бржеский в начале XX в. отмечал, что наследственные права «родителей (на имущество умерших детей), супругов, незаконнорожденных детей и т.п. с точки зрения крестьянского обычного права представляются более обеспеченными, нежели в писаном законе...»³.

Характеризуя институт наследования у крестьян, исследователи обычного гражданского права выделяют в нем два основных начала: фактическую (кровную или в силу закона) принадлежность к семье и степень личного труда. Исследователи обычного права крестьян Архангельской губернии в этом вопросе не были исключением.

Например, А.Я. Ефименко связывала его с принципом трудового начала: «Участие в общей собственности, по мере труда, вложенного на приобретение этой собственности, — вот основной принцип крестьянского наследственного права»⁴. П.С. Ефименко в работе «Семья архангельского крестьянина по обычному праву» также придавал значимость трудовому началу в сфере обычного наследственного права. «В самой важной части гражданского права, в праве наследования, народные воззрения являются и более последовательными, и более справедливыми, чем писанный закон. Крестьянство выработало иное основание для права наследования:

оно построило систему наследования главным образом на трудовом начале, в силу которого родственникам постольку дается право на наследуемое имущество, поскольку они своим трудом участвовали в создании его»⁵.

Большинство «крестьянских» авторов признавало существование семейной собственности, указывая, что имущество принадлежит не личности домохозяина, являющегося распорядителем последнего, а всей семье. По словам, например, А. Леонтьева, «основная особенность в этой области (семейной) — общность семейного имущества у крестьян. В простой семье с малолетними детьми общность семейной собственности сказывается только после смерти домохозяина, в обычаях, связанных с наследственным правом»⁶.

Автор монографии «Обычный порядок наследования у крестьян» В. Мухин, отрицавший за трудовой теорией ее пригодность для объяснения всех явлений наследственного порядка в крестьянском быту, считал, однако, что наряду с кровным родством в нем «придается весьма важное значение фактической принадлежности к семье... Что же касается личного труда, то при настоящих условиях экономической жизни народа он является необходимым звеном, связывающим оба означенные условия права наследования в одно живое конкретное целое»⁷.

Наследство у крестьян передавалось согласно местным обычаям, бытующим в данной конкретной местности, или по завещанию. Право наследования без завещания принадлежало лицам мужского пола. После смерти отца-домохозяина наследство не открывалось, а имущество оставалось во владении семьи, пока не принималось решение о разделе. Имение делилось поровну на каждого сына и внука. Племянники получали доли своих отцов. Отделенные члены семьи такого права лишались. Обычай наследования сыновьями равных долей⁸ не встречал возражений

² Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 36. № 36657.

³ Бржеский, Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1902. С. 102.

⁴ Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. первый: Обычное право. М., 1884. С. 153.

⁵ Ефименко П.С. Семья архангельского крестьянина по обычному праву // Судебный журнал. 1873. Кн. 4. С. 84.

⁶ Леонтьев, А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1895. С. 119.

⁷ Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888. С. 20.

⁸ Ефименко П.С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009. С. 69.

в крестьянской среде и волостными судами, которым были подсудны дела о наследстве, не оспаривался.

Говоря о наследовании женщин, стоит отметить, что, выходя замуж, они лишались права на какую-либо часть семейного имущества, т.к. наделялись приданым, по отношению к которому женщина в крестьянской семье являлась полной хозяйкой. Подробную информацию о последнем дает П.С. Ефименко в труде «Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии»⁹. Относительно наследственных прав дочерей автор отмечал: «Дочери при существовании родных мужского пола не получают доли в наследстве из разделяемого отцовского имущества, а остаются жить при которой-либо из разделившихся сторон... При замужестве награждаются приданым по усмотрению семьи и по достатку; сверх того, у кого незамужняя, тот должен нести свадебные расходы, но за то на долю того, у кого будут жить сестры, при разделе дается более хлеба и скота»¹⁰.

Если жена умирала бездетной, то муж должен был отдать приданое обратно ее родителям. Если дети были, имел право оставить его себе. Характерно в этом отношении дело, рассмотренное Совпольским волостным судом 4 февраля 1878 года по жалобе Феклы Ивановой Старопоповой на бывшего зятя, что тот не отдает приданое после смерти дочери. Ответчик Василий Пупцов отдать приданое жены отказался, мотивируя это тем, что у них с женой остался малолетний сын Гаврила. А потому волостной суд нашел, что «нет такого закона отбирать после смерти жены от бездетного мужа приданое, в прошении отказать»¹¹.

В случае смерти мужа положение вдовы и получение ею наследства зависело от наличия детей. Бездетная вдова или возвращалась в дом к родителям, забрав приданое, или оставалась в доме мужа, пользуясь оставшимся после него имуществом. Тот или другой вариант зависел всецело от того, как долго жила и работала жена в семье мужа, насколько велик был ее вклад в общую семейную собственность. Таким образом, пра-

во на наследство после мужа давал не брак сам по себе, а фактическая принадлежность к семье мужа. Фактическим же признаком принадлежности был труд. И чем больше труда было в семью мужа вложено, тем меньше возражений встречало наследование вдовой со стороны семьи мужа.

Самого факта наличия детей достаточно было для признания прав вдовы на имущество мужа как со стороны членов семьи, так и волостных судей. В то же время вдова при детях могла являться только распорядительницей семейного имущества, которое обязана была передать последним по достижении совершеннолетия.

Незавидное положение женщины в семье мужа заставляло ее искать защиты в родном доме, а имущественных интересов — в волостном суде или у чиновников по крестьянским делам. Так, 5 июля 1887 г. Совпольский волостной суд разбирал дело по жалобе крестьянской вдовы Лукерьи Храмцовой, поданной на имя господина чиновника по крестьянским делам Пинежского уезда и препровожденной на рассмотрение в волостной суд относительно дачи ей выдела из совместного имущества и скота для пропитания малолетней дочери, оставшейся после смерти мужа. Живет Лукерья у матери, т.к. свекровь ее притесняет. Ответчик деверь Иван Храмцов показал, что выдела дать ей не желает, а желает взять ее в число членов своего семейства. Примирение не состоялось, т.к. вернуться вдова не согласилась. А потому волостной суд нашел, что выход Лукерьи из дома Храмцовых произошел от научения ее матери и тетки, а в случае выдела ей имущества она до совершеннолетия дочери его израсходует на свое пропитание, а потому малютка легко может впасть в бедность и ходить по миру сиротой. Посему суд постановил: Лукерье вернуться в дом Храмцовых, а Храмцову вменить в обязанность дать ей одежду, обувь и пропитание¹².

Бесправное положение женщины в крестьянской семье побуждало ее обращаться за защитой своих прав в волостной суд. Анализируя волостную судебную практику по «женским» наследственным делам, следует констатировать стремление крестьян защитить материальное положение вдовы и ребенка прежде всего, а не попытки уберечь ее от произвола мужа, деверя, всего семейства. Вполне можно согласиться с А.Я. Ефименко, что «ничего не может сделать для женщины, и пото-

⁹ См.: Ефименко П.С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб.: Тип. Майкова, 1872.

¹⁰ Там же. С. 61, 109.

¹¹ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 213–214.

¹² ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 171(об.)–173.

му не делает, ни одно судебное место, кроме волостного суда»¹³.

Вполне понятно, что хозяйственные экономические интересы крестьянской семьи стояли на первом месте в иерархии ценностей крестьянского мира. Государству необходима была сильная платежеспособная община, основа государственной власти и политического режима. Но самосознание крестьянства в условиях переходного периода экономики от феодального уклада к капиталистическому к концу XIX века стало сильно меняться в сторону осознания ценности отдельной личности. Введение волостной юстиции в этом процессе сыграло не последнюю роль.

Подтверждение тому продолжение процесса по делу крестьянской вдовы Лукерьи Храмцовой. Вдова не стала жить в доме деверя и снова обратилась в суд, теперь уже с просьбой уплаты алиментов по 3 рубля в месяц, т.к. смогла доказать, что ее притесняли. Суд постановил взыскать с Ивана Храмцова в пользу Лукерьи по 1 руб. в месяц до 10-летнего возраста ребенка¹⁴.

Традиции патриархальной семьи с развитием буржуазных отношений стали постепенно уходить в прошлое, индивидуалистические настроения крестьян брали верх. Не последнюю роль в становлении нового правосознания личности крестьянина в его знании официального законодательства сыграли волостные суды. К указанному времени внутри семьи, и, следовательно, в волостных судах инициировались споры по поводу наследства и, в частности, духовных завещаний.

Духовные завещания, записанные в книги сделок и договоров при волостном правлении, к началу XX века составили серьезную конкуренцию местным крестьянским обычаям наследования. Движимое и недвижимое имущество распределялось между наследниками не только по обычаю, но и по воле завещателя письменно. Как отмечал П.С. Ефименко, завещания имели только распорядительное значение с целью предотвращения споров между наследниками¹⁵.

Наследодатели свободно распоряжались завещательным порядком только тем имуществом, которое принадлежало им лично: расчистки, взятые на их имя, дом, выстроенный

или купленный, и др. Наследование по завещанию меньше всего встречало возражений и со стороны претендующих на часть наследства родственников, и со стороны волостных судей. Например, 1 марта 1879 г. Пылемский волостной суд (Мезенский уезд) рассматривал жалобу Михаила Максимова, суть которой была в следующем: он до смерти поил и кормил своего тестя и его жену, а после смерти «упокоил», по духовному завещанию тесть отписал ему все движимое и недвижимое имущество, на которое претендует племянник тестя Михаил Дерябин. Суд постановил отобрать от племянника все земли и вернуть Максимову¹⁶.

В отличие от законодательства, обычное право признавало наследование вследствие договора, т.е. договорное наследование. Оно возникало, как правило, в сложных семьях, где присутствовали приемыши (или приймаки), которые чаще всего являлись в приемных семьях зятьями. Если такого договора не было, то права зятя-приймака на имущество его приемных родителей могло быть опротестовано со стороны боковых родственников. В этом случае он имел право на имущество лишь в той части, которая соответствовала степени вложенного им труда в общую собственность¹⁷.

Вопрос о соотношении закона и обычая при решении дел о наследстве волостными судами приобрел к началу XX века особую остроту в связи с тем, что действовавшие в России гражданские законы перестали отвечать веяниям времени. А проект нового гражданского уложения не отражал социально-экономические процессы в деревне, вызванные аграрной реформой П.А. Столыпина. В частности, отношения наследования и разделов крестьянских наделов в деревне предполагалось урегулировать посредством специальных законов. Вытеснение обычных правовых норм официальным законодательством происходило при сопротивлении противников столыпинских преобразований, особенно это касалось реформы обычного наследственного права.

Как известно, действовавшее в России гражданское законодательство предусматри-

¹³ Ефименко А.Я. Женщина в крестьянской семье // Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 99.

¹⁴ ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 195(об.)–198.

¹⁵ Ефименко П.С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. С. 75.

¹⁶ ГААО. Ф. 945. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 7(об.)–10.

¹⁷ Ефименко П.С. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии: сборник народных юридических обычаев. Т. 2 // Записки Императорского русского географического общества / под ред. С.В. Пахмана. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. С. 205–242.

вало возможность дробления недвижимого имущества при наследовании. Предполагалось, что в связи с законом от 3 июня 1912 г. (о расширении наследственных прав женщин)¹⁸ усилится опасность чрезмерного дробления земельной собственности, в т.ч. и крестьянской. Нельзя было наследование частновладельческой земли регулировать и обычным правом, поскольку как такового наследования наделного имущества в условиях общинного и семейного землевладения не существовало в силу уравнительного принципа, присущего обычно-правовой системе.

Весьма своеобразный симбиоз крестьянских представлений о справедливости и норм законодательства можно проследить в деле, рассмотренном в 1914 г. Совпольским волостным судом по жалобе свекрови на невестку, которая не кормит ее и не дает угла после смерти ее сына. Истица так рассказывает про себя: «Я после смерти мужа 30 лет тому назад взрастила детей 5 человек, была домохозяйкой. После мужа я должна была получить 1/7 долю недвижимого имущества и 1/4 движимого. Раз невестка не желает содержать меня, то прошу волостной суд мне выделить долю. Ввиду того, что ни я, ни ответчица не утверждены в правах наследства после моего мужа, наше дело не может быть разобрано у мирового судьи. *Только волостной суд, знающий крестьянское положение, может разрешить наш спор и присудить до смерти мне содержание*» (курсив наш. — М.А. Соснина). Ответчица заявила, что дело об имуществе находится в окружном суде. Производство дела решено прекратить¹⁹.

Представляется, что ко времени рубежа веков гражданский закон прочно вошел в правосознание большинства северного крестьянства и составил серьезную конкурен-

цию местному обычаю. Анализ эволюции волостной судебной практики показал готовность крестьян к разрешению гражданских споров в суде на основании закона.

Таким образом, во-первых, обычное наследственное право характеризуется трудовым принципом. Существование семейной собственности основано на обязанности каждого члена семьи трудиться на общую пользу и, как следствие, право каждого на часть имущества по количеству вложенного труда. Данный факт был обусловлен коллективной формой собственности на имущество и общинным землевладением, что явилось причиной ограничения воли завещателя. Завещание (если оно имелось) представляло акт домохозяина на случай его смерти о разделе имущества между членами семьи в соответствии с вложенным в хозяйство трудом.

Во-вторых, одним из оригинальных свойств крестьянского обычного права является договорное начало, в котором обнаруживается прежде всего материальная основа взаимоотношений между родителями и младшими членами семьи (детьми, невестками, зятьями, приемными).

В-третьих, надо признать наследственные права женщин существенно урезанными по сравнению с правами мужчин. Но под влиянием объективных причин женщина в крестьянской семье к началу XX века завоевала в семье личные и имущественные права. Не последнюю роль в этом процессе сыграл волостной суд.

В-четвертых, к началу XX в. закон прочно вошел в правосознание русского крестьянства Архангельской губернии, создав серьезную конкуренцию местному обычаю о праве наследства. Уникальные переплетения законодательных норм и норм обычного права можно наблюдать в практике волостного суда, что характеризует последний как специфическое явление русской действительности.

¹⁸ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 32. № 37184.

¹⁹ ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 52(об.)–54.

Литература

1. Барыков, Ф.А. Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб.: Тип. Стелловского, 1862. 100 с.
2. Бржеский, Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1902. 187 с.
3. Ефименко А.Я. Женщина в крестьянской семье // Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право / изд. В.И. Касперова. М.: «Русская» типолитография, 1884. 393 с.
4. Ефименко П.С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009. 272 с.
5. Ефименко П.С. Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии: сборник народных юридических обычаев. Т. 2 // Записки Императорского русского географического общества / под ред. С.В. Пахмана. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. С. 205–242.
6. Ефименко П.С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб.: Типография Майкова, 1872. 114 с.
7. Ефименко П.С. Семья архангельского крестьянина по обычному праву // Судебный журнал. 1873. Кн. 4. С. 32–114.

8. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1895. 125 с.
9. Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1888. 331 с.
10. Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб.: Изд-во А.Е. Ландау, 1879. 459 с.
11. Якушкин Е.И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Вып. 2. Ярославль, 1896.

Советские органы предварительного следствия в период 1941–1963 гг.

*Попов Иван Алексеевич,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
professor1951@inbox.ru*

*Рязанцев Василий Анатольевич,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
кандидат юридических наук
rva-74i@mail.ru*

В работе рассмотрены проблемные вопросы организации и деятельности советского следственного аппарата с начала Великой Отечественной войны до предоставления права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка 6 апреля 1963 года.

Ключевые слова: следователь, военный следователь, следственный аппарат, предварительное следствие, Великая Отечественная война, Наркомат государственной безопасности СССР, Министерство внутренних дел СССР, Министерство государственной безопасности СССР, Министерство охраны общественного порядка РСФСР.

Soviet Pretrial Investigation Authorities in the Period from 1941 to 1963

*Popov Ivan A.,
Chief Research Scientist of the Research Center No. 5
of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor*

*Ryazantsev Vasily A.,
Senior Research Scientist of the Research Center No. 5
of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

We consider the problem questions of the investigative unit of the Soviet organization and activities since the beginning of the Great Patriotic War to the right of preliminary investigation bodies to the protection of public order April 6, 1963.

Key words: The investigator, military investigator, an investigative unit, preliminary investigation, the Great Patriotic War, the People's Commissariat of State Security, Ministry of Internal Affairs, Ministry of State Security, Ministry of Public Order of the RSFSR.

С началом Великой Отечественной войны возникла необходимость перестройки в работе органов следствия применительно к новым условиям. В первую очередь такие изменения были связаны с обеспечением максимальной оперативности в борьбе с преступностью, установлением твердой дисциплины и правопорядка как в тылу, так и на фронте.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении»¹ и положением «О военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»² расследование уголовных дел на таких территориях, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности были переданы военным властям.

В районах военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, на железнодорожном и водном транспорте, а также там, где военное положение не было введено, значительно расширена подследственность преступлений, расследуемых военными следователями. По ряду преступлений вводились сокращенные сроки рассмотрения дел.

После начала Великой Отечественной войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года НКВД СССР и НКГБ СССР были вновь объединены в единый НКВД СССР, который возглавил А.П. Берия.

В целях повышения качества следственной работы и установления более тесной связи ее с оперативной деятельностью при контрразведывательном, секретно-политическом, экономическом и транспортных управлениях, а также при оперативном отделе ГУЛАГа НКВД СССР были организованы следственные отделения и группы.

31 июля 1941 года в составе НКВД СССР была образована Следственная часть по расследованию особо важных уголовных дел.

Созданная структура следственных органов просуществовала почти в неизменном виде около двух лет. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 года

из состава НКВД СССР вновь, как и в 1941 году, был выделен самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ СССР). Основная цель данных преобразований заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность общества и государства в стране, совершенствовать работу по предупреждению деятельности иностранной агентуры и по профилактике преступности.

Структура НКГБ СССР была определена решением Политбюро от 14 апреля 1943 года «Об образовании НКГБ СССР» и в этот же день была объявлена постановлением СНК СССР № 393-129сс. Одним из структурных подразделений НКГБ СССР являлась Следственная часть по особо важным делам.

В годы Великой Отечественной войны следственными подразделениями органов военной контрразведки в освобожденных районах расследовались факты военных преступлений и преступлений против человечества. По окончании войны собранные следователями органов государственной безопасности доказательства преступлений, совершенных нацистами на оккупированной территории СССР, были предъявлены Международному военному трибуналу в городе Нюрнберге.

В основу советского обвинения фашистских преступников и их пособников на Нюрнбергском процессе также легли доказательства, собранные Чрезвычайной Государственной Комиссией, которая являлась временным следственным органом, пользующимся чрезвычайными полномочиями³.

Правовой основой образования и деятельности комиссии служила Конституция СССР, где в статье 51 говорилось, что Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу⁴.

Комиссии предоставлялось право поручать соответствующим органам производить

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

² Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.

³ Указ Президиума ВС СССР от 02.11.1942 г. «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Ведомости ВС СССР. 1942. № 40.

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 06.12.1936. № 283.

расследование, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, зверствам, грабежам, разрушениям и другим преступным действиям гитлеровских оккупантов и их сообщников.

Состав комиссии был достаточно представительным и состоял из 10 человек. В нее входили партийные и государственные деятели, виднейшие ученые страны, писатели, а также представитель религиозного культа.

15 марта 1946 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и народных комиссариатов в министерства. НКВД СССР, соответственно, был преобразован в Министерство внутренних дел СССР (МВД СССР), НКВД союзных и автономных республик — в соответствующие министерства, а НКГБ СССР — в Министерство государственной безопасности СССР (МГБ СССР).

В структуру МГБ СССР на правах управления вошла и следственная часть по особо важным делам, производившая предварительное следствие по уголовным делам о контрреволюционных преступлениях.

Таким образом, в послевоенные годы предварительное следствие в стране производилось следователями прокуратуры, в том числе и следователями специализированных прокуратур, а также следователями органов государственной безопасности.

Органы милиции производили дознание, которое осуществлялось по основной массе дел об общеуголовных преступлениях. Также, являясь органом дознания, сотрудники милиции вели по большинству уголовных дел и предварительное следствие в полном объеме. В этой связи в феврале 1948 года ведомственным приказом в составе Главного управления МВД СССР был образован следственный отдел, а также следственные отделы в союзных и автономных республиках, краях и областях страны. Однако такие преобразования поддерживались не всеми. Так, например, М.С. Строгович прямо указывал, что «следователи милиции являются незаконным институтом»⁵.

К октябрю 1949 года в системе МВД СССР остались только пенитенциарные учрежде-

ния и пожарная охрана, остальные функции были переданы в МГБ СССР.

10 марта 1953 года на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение об объединении МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство — МВД СССР. Приказом МВД СССР от 14 марта 1953 года № 002 была утверждена его структура. В состав МВД СССР была включена Следственная часть по особо важным делам, которую возглавил генерал-лейтенант А.Е. Влодзимирский. Приказом МВД СССР от 9 июля 1953 года № 590 исполняющим обязанности начальника Следственной части по особо важным делам был назначен бывший начальник следственного отдела 4-го управления МВД СССР подполковник А.А. Козырев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 года органы государственной безопасности были вновь выведены из подчинения МВД СССР и образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР. В структуру Центрального аппарата КГБ при Совете Министров СССР включалось и Следственное управление, которое впоследствии было реорганизовано в Следственный отдел⁶.

24 мая 1955 года было утверждено новое Положение о прокурорском надзоре в СССР⁷. В соответствии со ст. 50 положения, при Генеральном Прокуроре СССР и прокурорах союзных республик состояли следователи по особо важным делам. В прокуратурах автономных республик, краев, областей и автономных областей имелись старшие следователи, а в прокуратурах округов, городов и районов — старшие следователи и следователи.

Во второй половине 50-х годов XX столетия стали активно вестись дискуссии о месте следственного аппарата в системе органов государственной власти. В ходе работы шестой сессии Верховного Совета СССР IV созыва, состоявшейся 9 февраля 1957 года, эстонский депутат Э.К. Пусэп выступил с предложением

⁶ Постановление Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 05.02.1960 г. № 134-46 «О внесении изменений в структуру КГБ при СМ СССР и его органов на местах и сокращении их штатной численности».

⁷ Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 г. «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.

⁵ Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и «едином следственном аппарате» // Социалистическая законность. 1957. № 5. С. 21.

упорядочить деятельность следственных органов, сосредоточив производство по уголовным делам в едином следственном аппарате⁸.

Практически одновременно была опубликована статья начальника Главного управления милиции МВД СССР М.В. Барсукова, в которой автор высказался за сосредоточение предварительного следствия в милиции, так как нахождение следственного аппарата в ведомстве прокуратуры, по его мнению, приведет к слиянию надзора за законностью предварительного следствия с руководством им⁹.

Значительная часть авторов выступала за сосредоточение предварительного следствия в органах прокуратуры¹⁰. Однако дискуссия закончилась сохранением существовавшей разобщенности следователей различных органов.

К концу пятидесятых годов сложилось такое положение, когда следственные органы, помимо прокуратуры и КГБ, фактически имелись и в МВД. Так, например, в соответствии с приказом МВД СССР от 24 ноября 1958 года № 0068 в структуру Главного управления милиции МВД СССР входил Следственный отдел.

25 декабря 1958 года Верховным Советом СССР были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик¹¹. В статье 28 Основ законодательства предусматривалось, что предварительное следствие по уголовным делам производится следователями прокуратуры,

по делам о государственных преступлениях — следователями органов государственной безопасности. Следственный аппарат в структуре органов внутренних дел не предусматривался.

В связи с этим при обсуждении проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик на заседании Верховного Совета СССР 25 декабря 1958 года высказался генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко. По его мнению, освобождение милиции от не свойственной ей функции предварительного следствия позволит ей направить свои усилия на предупреждение преступлений, принятие необходимых оперативно-разыскных мер для раскрытия преступлений и розыска преступников и ведение дознания¹².

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года расширили процессуальную самостоятельность следователя. При расследовании все решения о направлении следствия и производстве следственных действий он принимал самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора, и нес полную ответственность за их законное и своевременное проведение.

Следует сказать о преобразованиях в системе МВД. Так, постановлением Совета Министров СССР от 13 января 1960 года МВД СССР было упразднено, а его функции переданы МВД союзных республик, в том числе на территории РСФСР — МВД РСФСР, ранее образованному постановлением Совета Министров СССР от 11 апреля 1955 года.

27 октября 1960 года Верховным Советом РСФСР был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР¹³, в котором признавалось обязательным производство предварительного следствия более чем по 120 составам преступлений вместо 70 по ранее действовавшему УПК РСФСР 1923 года. С расширением подследственности значительно увеличился объем работы следственных подразделений прокуратуры, при этом их штатная численность не изменилась. Такие преобразования не способствовали качественному и быстрому расследованию преступлений и отрица-

⁸ Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Шестая сессия: Стенографический отчет. М., 1957. С. 472.

⁹ Барсуков М.В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 42.

¹⁰ Голяков И.Т. О едином следственном аппарате и функциях Министерства юстиции // Советская юстиция. 1957. № 7. С. 8–11; Митричев С. О едином следственном аппарате // Известия. 1957. 2 июля; Бердичевский Ф., Чистяков О.И. О реорганизации предварительного следствия // Социалистическая законность. 1957. № 7. С. 21–25; Зыков И., Аверкиев И., Иванов М. О дознании и предварительном следствии // Социалистическая законность. 1957. № 9. С. 10–14.

¹¹ Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (вместе с Основами законодательства) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

¹² Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. Вторая сессия: стенографический отчет. М., 1959. С. 520–521.

¹³ Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

тельно влияли на эффективность борьбы с преступностью. Поэтому значительная часть уголовных дел о преступлениях, по которым необходимо было производство предварительного следствия, передавалась для расследования в органы милиции.

Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 августа 1962 г. МВД РСФСР было преобразовано в Министерство охраны общественного порядка (МООП) РСФСР.

Необходимо отметить, что следователи прокуратуры фактически не имели той организационной связи с милицией, которая ранее была у следователей органов внутренних дел с аппаратами уголовного розыска и БХСС. Следователи прокуратуры оказались организационно оторванными и от научно-технических подразделений органов внутренних дел, оснащенных передовой криминалистической техникой и достаточно мобильных. Это зачастую влекло несвоевременный выезд следователей на места происшествий, снижало качество расследования преступлений.

Поэтому указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года № 1237-VI «О предоставлении права предварительного следствия органам охраны общественного порядка»¹⁴ и указом Президи-

ума Верховного Совета РСФСР от 15 апреля 1963 года «О внесении изменений в УПК РСФСР»¹⁵, наряду со следователями органов прокуратуры и государственной безопасности, право производства предварительного следствия было возложено и на следователей органов охраны общественного порядка.

К подследственности следователей органов охраны общественного порядка были отнесены дела об общеуголовных преступлениях. Одновременно было сохранено право милиции производить дознание по значительному числу преступлений в полном объеме.

Однако лишение органов внутренних дел самостоятельного следственного аппарата нанесло немалый ущерб. Были растеряны очень опытные, знающие специфику следственной работы в МВД юридически грамотные кадры. Создавать следственный аппарат пришлось в сложных условиях. Было нарушено так необходимое равновесие старых и молодых кадров¹⁶.

¹⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 16. Ст. 181.1.

¹⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 15. Ст. 288.

¹⁶ Горский Г.Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1970. С. 39.

Литература

1. Барсуков М.В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Советское государство и право. 1957. № 2.
2. Бердичевский Ф., Чистяков О.И. О реорганизации предварительного следствия // Социалистическая законность. 1957. № 7.
3. Голяков И.Т. О едином следственном аппарате и функциях Министерства юстиции // Советская юстиция. 1957. № 7.
4. Горский Г.Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1970.
5. Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Шестая сессия: Стенографический отчет. М., 1957.
6. Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. Вторая сессия: стенографический отчет. М., 1959.
7. Зыков И., Аверкиев И., Иванов М. О дознании и предварительном следствии // Социалистическая законность. 1957. № 9.
8. Митричев С. О едином следственном аппарате // Известия. 1957. 2 июля.
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 06.12.1936. № 283.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.
11. Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.
12. Указ Президиума ВС СССР от 02.11.1942 г. «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Ведомости ВС СССР. 1942. № 40.

13. Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 г. «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.
 14. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (вместе с Основами законодательства) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
 15. Постановление Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 05.02.1960 г. № 134-46 «О внесении изменений в структуру КГБ при СМ СССР и его органов на местах и сокращении их штатной численности».
 16. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
 17. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 1237-VI от 6 апреля 1963 года «О предоставлении права предварительного следствия органам охраны общественного порядка» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 16. Ст. 181.1.
 18. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 апреля 1963 года «О внесении изменений в УПК РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 15. Ст. 288.
-

Рецензия на монографию: Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Модернизация судебной системы в период нэпа. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 172 с.

*Кулачков Вадим Витальевич,
доцент кафедры философии, истории и социологии,
Брянского государственного инженерно-технологического университета,
кандидат исторических наук,
бакалавр юриспруденции
vad2517@yandex.ru*

В данной рецензии автор рассматривает монографическое исследование, посвященное изучению особенностей модернизации судебной системы в период нэпа. В работе, преимущественно основанной на региональном архивном материале, изучаются позитивные и негативные тенденции в эволюции судебной системы периода новой экономической политики. Авторы рецензируемой монографии отмечают в целом прогрессивную роль судебных институтов в правовой жизни общества, т.к. принимались меры для приближения суда к населению, проводились выездные сессии, судьи вели активную внесудебную общественную деятельность по повышению правовой культуры населения. При этом реальное отсутствие независимости судебной власти и приоритет идеологических интересов приводили к тому, что судебная система в период нэпа являлась частью государственного аппарата. В связи с этим кадровая политика формирования корпуса судей прежде всего ориентировалась не на образование и профессиональные навыки, а на наличие так называемого революционного правосознания и рабоче-крестьянского происхождения.

Ключевые слова: судебная система, Новая экономическая политика, модернизация, судоустройство, статус, судебское усмотрение.

Review of a Monograph of Vinnichenko O.J., Filonova O.I. “Judicial System Update in the New Economic Policy Period”

*Kulachkov Vadim V.,
Assistant Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology
of the Bryansk State Technological University of Engineering,
Candidate of Historical Sciences,
Bachelor of Jurisprudence*

In this review the author examines monographic study on the characteristics of the modernization of the court system in NEP period. In the work, mainly based on regional archival materials, examines pos-

itive and negative trends in the evolution of the judicial system of the period of the new economic policy. The authors of the reviewed monograph is noted in the General progressive role of the judicial institutions in the legal society, because measures were taken for the approach of the court to the people, held the assizes, the judges were active in extrajudicial community activities to improve the legal culture of the population. In this case the real lack of independence of the judiciary and the priority of the ideological interests led to the fact that the court system in NEP period was part of the state apparatus. In this regard, the personnel policy of the formation of judiciary, first of all, focus not on education and skills, and the presence of so-called revolutionary consciousness and worker-peasant origin.

Key words: system, the New economic policy, modernization, judiciary, the status of judicial discretion.

Внимание к модернизационным процессам в различных общественных сферах уже давно наблюдается в среде ученых. Анализ тенденций и особенностей развития судебной системы всегда привлекал исследователей, т.к. ее адекватное состояние способствует эффективному развитию всей государственной структуры в целом. Среди современных отечественных ученых, активно занимающихся в настоящее время изучением данной проблематики, следует выделить Г.Т. Камалову, Ю.И. Стецовского, И.К. Шабанова, В.И. Титкова и др. Очевидно, что интерес исследователей вызван тем, что историко-правовые аспекты эволюции судебной системы отражаются и на ее современном состоянии.

В этом смысле рецензируемая монография является продолжением работы по дальнейшему изучению особенностей модернизации судебной системы в период нэпа с активным привлечением регионального архивного материала. В своей работе О.Ю. Винниченко и О.И. Филонова вводят в научный оборот материалы фондов шести архивов как федерального, так и регионального уровней, что является одним из достоинств монографии. Одновременно с этим в работе активно используются сведения из опубликованных работ, что, по мнению авторов монографии, «показывает интерес ученых к данной теме» (с. 15).

При этом О.Ю. Винниченко и О.И. Филонова приходят к обоснованному выводу о неизученности или малой изученности ряда проблем (тенденции и характерные особенности модернизации судебной системы; концепция единого суда при наличии специальных и общественных судов; воздействие модернизации страны на эволюцию судопроизводства; эволюция статуса судьи; основы судейского усмотрения — свобода и пределы правоприменения; правовые и внеправовые основы статуса судьи; кадровая политика в отношении судей; кадровый состав судей).

Структура монографии отличается классической схемой построения сюжета научно-

го издания и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Основным методологическим приемом, который использовался в монографии, стал историко-правовой, что не исключало применения ряда других — общенаучных методов анализа и синтеза, специальных юридических и исторических методов, методов описательной статистики. Нельзя не отметить солидную источниковую базу рецензируемой монографии.

В первой главе «Правовые и теоретические основы модернизации судоустройства», состоящей из двух параграфов, авторы поставили задачу «раскрыть правовые основы и концептуальные установки модернизации судебной системы в целом и судоустройства в частности; проанализировать проекты модернизации судоустройства: реализованные и нереализованные, выявить причину выбора того или иного проекта; определить факторы, характерные черты, принципы, направления и тенденции модернизации судоустройства в период нэпа» (с. 21). Дополнительной трудностью для исследователей стало то обстоятельство, что в период новой экономической политики был распространен взгляд на судебную систему как на «буржуазный пережиток, временно необходимый Советской власти» (с. 24).

Однако, благодаря квалифицированному анализу опубликованных и архивных материалов, авторы смогли прийти к обоснованному выводу о том, что «в период нэпа советское государство искало эффективные структуру и формы судоустройства» (с. 55). При этом реализация на практике приближения суда к населению приводила к тому, что создавались различные виды судебных структур: окружные дисциплинарные суды, окружные суды, волостные, уездные земельные комиссии, примирительные камеры при сельских Советах. В связи с этим авторы верно подметили своеобразный парадокс: «Одна из задач модернизации судебной системы заключалась в создании единой системы судоустройства, преодолении многообразия существовавших судебных органов, а в действительности ко-

личество различных судебных органов в ходе модернизации лишь увеличилось» (с. 56).

Вторая глава «Модернизация судопроизводства» также подразделена на два параграфа, в которых рассматриваются правовые и идеологические основы судебного усмотрения, эволюция судопроизводства в контексте модернизации страны. В первом параграфе авторы большое внимание уделяют рассмотрению такого своеобразного источника права, каким считалось революционное правосознание в 1920-е гг. Его роль и значение были настолько всеобъемлющими, что революционное правосознание было закреплено в кодексах и судьи им руководствовались при вынесении судебных решений. О.Ю. Винниченко и О.И. Филонова приходят к обоснованному выводу, что «правовые основы деятельности советских судебных органов на практике имели подчиненный по отношению к идеологическим установкам характер» (с. 73). Понятно, что этот вывод не отличается новизной, однако в рецензируемой монографии он сделан на основе убедительного авторского анализа источников и литературы.

Изучение эволюции судопроизводства в контексте модернизационных процессов позволило авторам доказать тезисы и о том, что под влиянием государственной политики происходила переквалификация обычных уголовных дел в политические, наблюдалось кампанейское правосудие, проводились показательные процессы. Несмотря на эти отрицательные явления, следует согласиться с авторами в том, что «суды играли прогрессивную роль в правовой жизни общества, чему способствовало приближение суда к населению, выездные сессии, внесудебная общественная деятельность судей по формированию правовой культуры населения» (с. 98).

В третьей главе «Эволюция статуса судьи», состоящей из трех параграфов, авторы изучают правовые основы статуса судьи, кадровую политику формирования судебного корпуса и кадровый состав судей. При этом акцентируется внимание, что статус судей как ведущих представителей судебной системы находился в жесткой зависимости от коммунистической идеологии, что выражалось в принципах отсутствия независимости судебной власти и сменяемости судей.

Следует сказать, что О.Ю. Винниченко и О.И. Филонова справедливо отмечают противоречивые тенденции в формировании кадров судейского корпуса. С одной стороны,

предпринимались различные меры для повышения профессиональной подготовки судей и закрепления их состава. С другой стороны, проводились постоянные так называемые «чистки», преследующие цель улучшить политический и моральный облик судебного корпуса. Однако в результате наблюдалась большая текучесть судебных кадров, что приводило к снижению уровня их профессионализма. Нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что «судебная система в период нэпа являлась частью государственного аппарата, и главное требование к судье заключалось в проведении в жизнь политического курса, в связи с чем базовыми критериями отбора судей являлись наличие революционного правосознания и социальное происхождение, а не образование и профессионализм» (с. 143).

В заключении книги авторы выделяют как позитивные, так и негативные тенденции в эволюции судебной системы периода нэпа. К позитивному опыту функционирования судебной системы в изучаемый период авторы обоснованно относят единство и трехзвенную структуру судоустройства; соответствие судоустройства административно-территориальному делению; избираемость судей; привлечение населения к государственному управлению; коллегиальность; проведение выездных сессий судов и показательных процессов для привлечения внимания общественности к общественно значимым делам и в целях повышения правовой культуры населения. К негативным моментам относятся отсутствие независимости судебной власти; доминирование идеологических установок; приоритет государственной политики (с. 148).

К достоинствам рецензируемой монографии можно отнести четкую структуру и выводы, солидный историографический анализ, активное использование опубликованных и архивных материалов. Монография снабжена приложениями, содержание которых способствует формированию у читателей более объективных представлений о судебных реалиях 1920-х гг. Все вышеперечисленное обеспечивает высокую научную значимость результатов и обоснованность авторских выводов. Несомненно, монография «Модернизация судебной системы в период нэпа» будет интересна и полезна не только специалистам, но и всем, кто интересуется эволюцией судебной системы России.

Самопознание закона: «зеркало» как правовой символ

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
kafedra-igp@yandex.ru*

Статья посвящена анализу важнейшего и базового аспекта правовой идеологии — религиозно-му учению о законе и благодати. На материале средневекового и ренессансного права и правовых концепций исследуются важнейшие постулаты этой идеологии. Форма «зеркал», правовых кодификаций Средневековья оказалась широко распространенной в Европе, как Центральной, так и Восточной. Идеологические аспекты права и правопонимание самым тесным образом соприкасаются с политическими, культурными и др. аспектами реальности.

Ключевые слова: право, закон, легальность, легитимность, идеология, правосознание, этика, идеология, религия, божественный закон, благодать, символ.

Self-Understanding of Law: “Mirror” as a Legal Symbol

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

The article is devoted to the analysis of the most important and basic legal ideology aspect — religious doctrine of the Law and grace. The most significant postulates of this ideology are explored based on the medieval and renaissance law and legal concepts. The form of “mirrors”, legal codifications of the Middle Ages, has turned out to be widely spread in Europe, Central as well as Eastern. The ideological aspects of law and legal consciousness are most closely related to political, cultural and other reality aspects.

Key words: law, decree, legality, legitimacy, ideology, legal consciousness, ethics, ideology, religion, divine law, grace, symbol.

Иоахим Флорский в свое время учил: «Некогда имелось полное теней место и темное небо» — Ветхий завет, завет буквы, освещаемый только звездами, пророками, в которых был дух Божий. Но затем последовало «второе небо, небо милости» — Новый завет, озаренный светом луны. Но придет возрождение и «третьего неба». Первое состояние мира было подчинено закону, второе — милости, третье же, которое ожидается как предстоящее, — более полной милости, той, о которой вещает Евангелие от Иоанна.

Григорий Палама утверждал, что свет Фаворский не есть сама сущность Божия, не тварное вещество, но присносушая энергия сущности Божией, отличная от сущности, но неотделимая от нее. Энергия не вносит в Божество разделения и не становится твердью. Имя «Бог» прилагается не только к сущности Бога, но и к его энергиям. Существо не-

раздельно, но энергия раздельна; у исихастов в этой связи возникал целый ряд антиномий.

Оппонент Паламы — византиец Варлаам (сер. XIV в.) возражал против признания Фаворского света только делимой энергией Бога, а не его сущностью. Кроме того, он подчеркивал необходимость наличия разума для познания Бога. Зависимость Варлаама от Аристотеля очевидна: Бог как самостоятельный объект и его сущность остаются у Варлаама сами по себе как абсолютная непознаваемость, а энергии, ввиду их познаваемости и расчлененности, отделяются и становятся тварными. Этим приемом в целостности сохранялись и христианская трансцендентность, и его нетварность, и платоническое неразличение тварного и нетварного, воспринятые в мистическом опыте.

Вслед за этим и Возрождение, и протестантизм таким же образом пытались совме-

стить христианство и язычество, впадая при этом в явный натурализм и рационализм. Здесь Бог становился непознаваемой вещью в себе (Кант), при ослаблении трансцендентного чувства, которое уже объявлялось непознаваемым: в дело вступал позитивизм: «Или Свет Фаворский неотделим от существа Божия и потому есть сам по себе Бог (хотя Бог сам и не есть свет) — тогда православие спасено, или Свет отделим от существа Божия и поэтому есть тварь — и тогда начинается апокалиптическая судорога возрожденского Запада»¹.

Теологические дискуссии о воплощении и энергиях Бога разделили Запад и Восток. Feliokia побуждала законодателя больше внимания уделять не столько принципам и идеям, сколько вопросам практического правоприменения. В новой науке уже содержались зачатки позитивизма, перетекающего оттуда и в сферу юриспруденции. «Телесность» древнеримского права была с готовностью воспринята «магическим» по своему духу правом Нового времени: элементы объективного вменения и аналогии вполне соответствовали метафорическому духу нововременного «вещизма». Демонстративность наказаний, подчеркивающих власть господина над телом подвластных и обвиняемых, в своих театрализованных формах выразила наиболее яркую тенденцию «овеществления» судебного процесса. Хитроумный садизм инквизиции и рыцарственный героизм судебного поединка дополняли витиеватые хитросплетения формализованного, но лаконичного римского права (в своем формализме проявлявшего не меньшую жестокость, как в случае «Венецианского купца» у Шекспира). Онтологическая проблема «воплощения света» обусловила тот идейный поворот, который произвели Ренессанс и Реформация, его теоретическую философскую базу составила новая наука.

Для победы материализма и позитивизма время еще не пришло, метафизика стала господствующей во всех областях жизни. Но материя уже не была простым зеркальным отражением духа и идеи, она начала жить собственной, природной жизнью. «Плоть» и «тело» получали право на самостоятельное и все более очевидное существование: законы, которыми управлялся мир, приобретали новую телесность, а древний и почти забытый гнозис превращался в знание, обладающее реальной и осязаемой силой.

Для средневекового мышления «зеркало закона» было окном, через которое оно проникло в иной мир, с тем чтобы познать истину. «Зеркало» Ренессанса, потускнев, смогло только отражать внешний мир. От него требовалось только одно — точность и ясность отражения, и казалось, что добиться этого только человеческими усилиями пока еще невозможно. И Фичино также был уверен, что постичь истину своими силами человек не в силах, его разум — только глаз, который, чтобы видеть, нуждается в свете: «Солнце освещает лишь ту часть Луны, которая повернута к нему», — такое обращение невозможно, пока душа не освободится от обмана чувств и своих туманных фантазий. Но это освобождение и было возвратом к Богу и его закону через «платоновскую теологию», которая открывала в пучине поэтического воображения, окутывающего религиозное откровение, глубокое чувство истины. (Здесь Фичино попутно выступает против вульгарного атеизма аверроистов: истина может быть только одна и абсолютна.) «Обычаем древних теологов было скрывать божественные тайны в математических символах и поэтических образах... дабы они по недосмотру не стали общим достоянием». Натуралистическое учение Аристотеля и эстетические интерпретации поэтов преодолевались в «ученой религии» Фичино, его «благочестивой философии», где сходились философия и поэзия, и этот союз очевидно превосходил чисто рациональный процесс².

Познавать Бога — значит «восходить от луча к центру», и здесь имеет место явление «зеркал божественного»: только схождение к единому — от телесного и количественного через качество души и ангелов к Богу — может внятно объяснить структуру мира. Бог стоит выше вечности, ангел принадлежит вечности, душа принадлежит ей только частично, тело же целиком подчинено времени.

Пико Мирандола развивает эту мысль Фичино: в восхождении к Богу иерархии форм, небеса, как и вообще весь мир элементов, находятся за пределами человеческого сознания. Природа есть порядок, гармонически упорядоченное многообразие единства, и выражением этого единства является причинная связь, понимаемая уже как рациональная связь, логически переносимая сознанием на все вещи. Детерминизм же юдициарной астрологии, самонадеянно подчиня-

¹ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 873.

² См.: Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1988. С. 123, 128–129.

ющей жизнь механическому расположению звезд, заменяет красоту и божественную гармонию причин цепью случайных и мнимых соответствий. Поэтому Пико резко выступал против астрологии, все шире захватывавшей интеллектуальное пространство философии и политики: интеллектуальный аристократизм мыслителей Возрождения мог себе позволить семантическую игру с разного рода магическими и оккультными категориями, сохраняя тем не менее тесную (пусть через платоническую интерпретацию) связь с мистическими и трансцендентными традициями католического христианства. Гностический элитаризм юристов и теологов Возрождения представлял закон как подсмотренное у природы и воссозданное человеком произведение, рожденное в противопоставлении факту судьбы, как искусственное создание, укрытое и развивающееся, подобно гомункулу в реторте. Фаустовский дух был намерен покорить теперь и природу.

Понятие «духовный человек» (преисполненный духом Божиим) первым использовал папа Бонифаций VII в булле, с явной целью подчеркнуть превосходство духовной власти над светской; из этого понятия следовало не только превосходство духовной сферы над светской, управления и юрисдикции церкви над любой формой светского господства, но из этого же проистекала также и особая природа «внутреннего человека» в противоположность «внешнему человеку» массы. Единственно истинным и законченным воплощением «духовного человека» оказывался папа, духовный властитель мира и духовный сверхчеловек.

Формирующийся Ренессанс быстро усвоил эти мистические и по сути имперские спекуляции: из библейского образа ветхого Адама было взято представление о том, что созданному Богом по образу своему и состоянию природы первому человеку уже были свойственны такие качества, как свобода, царственность и высшая духовная сила. Сверхчеловек, политическим воплощением которого хотели быть сами тираны и кондотьеры Ренессанса, стал отражением этого мистического образа Адама: здесь же лежало и новое юридическое понятие личности и новое понятие природы³. Естественные законы теперь не только учитывались человеком в его деятельности, они им корректировались и совершенствовались. Бог-законодатель —

только высшая и первичная инстанция, вся основная тяжесть законотворческой работы ложится теперь на человека. Он же остается и пределом, границей между двумя мирами, все более активно влияющим на них и включающим их в себя. Добро и зло сливались в человеке, и он сам вправе был решать, чью сторону в этом споре занять. Человеческие законы не могли быть ни абсолютно справедливыми, ни абсолютно несправедливыми. Их относительность определялась свободой воли, заложенной в них, которая могла быть направлена в любую сторону: издающий закон вправе сам был решать, что для закона справедливо и что несправедливо. «Зеркало закона» — зеркало, порождающее новую реальность.

Но закон — зеркало искаженное. Он вовсе не собирался давать адекватное изображение реальности, он только хотел дать желаемое изображение. Так поступал законодатель, так воспринимал его всякий субъект права: субъективное право стало продуктом такого восприятия; на его фоне объективное право казалось чем-то недосигаемым и почти фантастическим. «Право сильного» — это не просто атрибут феодальных отношений, это — психологический подход к праву вообще. Право тождественно силе уже потому, что оно оживает только в процессе реализации, и потому, что неизбежно приходится рассчитывать на его объективность в действии. (В «Граде жизни» Пальмиери представляла человеческие души настоящими ангелами, пребывающими сами по себе и не принимавшими сторону ни Бога, ни дьявола. Земная деятельность оказывалась только элементом космического процесса, эпизодом в истории духа, но, с другой стороны, она же приобретала неизмеримое значение и ценность. Мир становился ареной, на которой Бог предоставляет душам самим решать свою судьбу.) На площадях Града земного именно плодотворная человеческая деятельность становилась знаком победы над злом. И вместе с тем, в своей «благочестивой философии» Фичино превозносит некое надсущностное и надмирное единство, в котором мистически постигается таинственная природа вещей; ведь текущие дела умирают вместе с людьми, мысли же побеждают столетия, оставаясь бессмертными в веках⁴. Смешение «света» и «тени» характерно для ренессансного мирозерцания (живописная тень впервые появляется на фресках Джотто, подчеркивая появление нового измерения), и игра светотени все чаще

³ См.: Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004. С. 160–162.

⁴ См.: Гарэн Э. Указ. соч. С. 93, 117–119.

обеспечивает победу тени. Напряженная экспрессивность Фра Анджелико со временем перерастет в кошмары Босха и Грюневальда. И это произойдет так же незаметно, как ордалия постепенно превратится в пытку...

Джордано Бруно уверял, что и в самой «тени» уже есть нечто от «света» и нечто от «мрака», поэтому объект может оказаться покрытым «тенью сумрака и смерти, как бывает, когда высшие силы увядают и пребывают расслабленными или даже идут в услужение к силам низшего», и одновременно с этим — «тенью света, как бывает, когда низшие силы подчиняются высшим силам, которые при этом сами стремятся к вечным и высоким целям». «Тень» лежит где-то на горизонте добра и зла, истины и лжи. Здесь же располагается и то, что можно с одинаковой вероятностью обратить в добро или зло, сделать его истинным или ложным⁵. (Мистик и визионер Хуан де ла Крус повторит трактовку известного символа: «если стекло загрязнено и затуманено, луч не сможет пронзять его полностью и не отразит в нем свет... Душа подобна этому стеклу — ее всегда пронизывает... в ней обитает божественный свет в силу ее природы»⁶. Свойство зеркала — видеть невидимое, обозначать необозначенное. Как заметил Честертон, мало кто догадался рассмотреть Христа в свете св. Франциска. Может быть, «свет» — не самый лучший образ, тогда эту истину выразит зеркало: св. Франциск — и есть зеркало Христа, как луна — зеркало солнца.)

Закон порождает свое искаженное изображение — преступление. Оно коренится в недрах человеческой природы и может быть искоренено актом насилия — наказанием. Поначалу это была жертва обиженным богам, позже наказание становится неотъемлемой частью закона — санкцией, которую обеспечивает государство. Закон живет сам по себе, питая своей жестокостью мир: жестокий и несправедливый закон убил Христа. В несправедливом законе заключена «тень», и она устанавливает границу и предел свету. Борьба света и тьмы непреходяща, и закон не всегда оказывается на стороне первого. В его «зеркало» опасно заглядывать, когда им манипулируют невидимые силы.

Ренессанс открыл для себя еще и «зеркало природы». Природные законы естественным образом отражаются в человеческих законах:

⁵ Цит. по: Ордине Н. Граница тени. СПб., 2008. С. 114–115.

⁶ Де ла Крус Х. Восхождение на гору Кармель. I, 5; 6.

подражание природе подобно «подражанию Христу» у Фомы Кемпийского. Природные явления постигаемы, но не предсказуемы, фортуна и случай господствуют здесь повсеместно. Поэтому и в зеркале природы всегда возможно появление некоего искаженного образа, зло выныривает из его глубин в виде разного рода демонических и темных сил и сущностей. «Тень» получает опасное очарование, которому можно противостоять только с помощью другого сильного влияния. (То, что мы называем «рациональным», есть нечто подходящее разве что для профанов. Но не окажется ли это подходящее иррациональным? Это тот самый момент, когда дикарь уверяет себя непознаваемой высшей властью и подчиняется ее решениям, недоступным его пониманию. Когда же цивилизованный человек оказывается за пределами цивилизации, он вновь становится тем самым дикарем, и, для того чтобы вернуть себе чувство безопасности, ему требуются магические обряды: «Тень — это дикарь, который все еще живет в цивилизованном человеке... Ему нужно, чтобы им повелевала высшая власть»⁷.)

Образ «губительного зеркала» появляется еще в «Романе о Розе» Гийома де Лорриса. Трагедия Нарцисса, заимствованная у Овидия, переносится в новый контекст: «Все, что казалось реальным и окончательным, внезапно может проявлять свой преходящий характер... чтобы перейти в иную форму или иное измерение». Оптимизм возрожденцев надеялся избежать подобных последствий; в отличие от мистиков Средневековья маги Ренессанса были уверены в силе своих технических и инструментальных средств. Бруно говорил: для того чтобы вырваться из хаоса, нужно прежде всего вернуть былую силу законам: в его «Изгнании торжествующего зверя» Юпитер отводит закону место рядом с мудростью и истиной. Божественный закон и закон государственный преследуют здесь одни и те же цели, оба призваны обеспечить человечество теми нормами поведения, которые могут служить им гарантией сохранения мира и благополучия. Здесь сама «религия» приобретает свойства закона и выполняет несвойственную ей политическую функцию, будучи наделенной невидимой, но необходимой связующей силой. Так, сплоченность общества становится единственным критерием отбора при распределении наград и наказаний; но неверно думать, что «боги взыскуют почте-

⁷ См.: Юнг К. *Mysterium coniunctionis*. М., 1997. С. 244.

ния, страха, любви, пошлой пользы и выгоды, кроме как на благо самих же людей... Они учредили законы не столько, чтобы получать славу, сколько чтобы делиться этой славой с людьми»⁸. Основная герметическая идея утверждает: «то, что наверху, то и внизу». Парацельс интерпретирует ее как указание на существование двух небес: «Небо есть человек, а человек есть небо, а все люди — только од-

⁸ См.: Ордине Н. Указ. соч. С. 174–175, 296–297.

но небо». Поэтому небесный закон един для всех, а человеческие законы суть только его отдельные интерпретации, более или менее отражающие его суть. Призвание небесных сил позволяет людям разрешать их земные проблемы. Законы рассматриваются в этой связи как императивы и приказы. Закон ассоциируется с зеркалом хотя бы уже потому, что в нем отражается реальность жизни, манипулирование таким зеркалом позволяет овладеть и самими образами.

Литература

1. Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004. С. 160–162.
2. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1988. С. 123, 128–129.
3. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 873.
4. Ордине Н. Граница тени. СПб., 2008. С. 114–115.
5. Юнг К. *Mysterium coniunctionis*. М., 1997. С. 244.

Каноническое право как источник средневекового немецкого права: исторический обзор

*Зайцева Людмила Анатольевна,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
dissersovet@mail.ru*

Статья продолжает цикл работ, посвященных источникам права Германии, и освещает каноническое право как один из основополагающих источников средневекового немецкого права. В предыдущей статье автор рассматривал рецепцию римского права, послужившую основой формирования немецкого гражданского права. Каноническое право оказало существенное влияние на подотрасль гражданского права, относящуюся к средневековому семейному и наследственному праву.

Ключевые слова: каноническое право, источники немецкого права, Грациан, Саксонское зеркало, партикуляризм, церковь и государство.

Canon Law as a Source of Medieval German Law: Historical Review

*Zaitseva Lyudmila A.,
Assistant Professor of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Legal Sciences*

This article continues the cyclic of articles, dedicated to the sources of German law and consecrates at the canonical law as one of the main sources of medieval German law. In the previous article the author has already analyzed the reception of Roman law as one of the sources of German civil legislation. The canon law (church) law had a big influence on medieval family and succession law.

Key words: the canonical law, sources of medieval German law, Gratian, *Sachsenspiegel*, particularism, church and state.

Одной из важнейших особенностей феодального права в средневековой Германии бы-

ла его неоднородность, отсутствие целостной системы общегерманского права и параллель-

ное сосуществование многочисленных различных правовых систем, относившихся либо к определенной территории (земское право, городское право), либо к определенному кругу лиц (ленное право), либо к определенному объекту регулируемых отношений (каноническое право)¹. Так, каноническое право в первую очередь регулировало вопросы организации и деятельности католической церкви, но в то же время содержало ряд положений, действие которых распространялось на брачно-семейные и наследственные отношения всех сословий. Каноническое право было одним из способов последующего внесения единства в многообразные обычаи отдельных германских местностей². В настоящей статье мы рассмотрим становление, развитие и условия применения канонического права в Средние века на территории Германии.

В империи Карла Великого управление всей обширной территорией осуществлялось в большей степени с помощью духовенства, которое разрабатывало новые законы, следило за соблюдением старых, осуществляло кодификацию действующих правовых норм. В VIII–IX веках структура и организация церкви были гораздо стабильнее системы светской (королевской) власти. Поскольку короли самостоятельно назначали епископов и аббатов, они могли опираться на них³. Именно тесная взаимосвязь королевской и церковной властей характеризует государство эпохи Карла Великого.

В Средние века между государством и церковью существовала также тесная экономическая связь, так как церковное землевладение состояло в значительной степени из крупных королевских дарений, а епископства и аббатства рассматривались зачастую как имперские и королевские лены.

В то же время церковное землевладение являлось составной частью всего феодального землевладения, поскольку его субъектами были не только церковные иерархи, но и многие светские феодалы, от короля и до мелких рыцарей и министериалов⁴.

То, что с XII века в христианской Европе параллельно действовали, дополняя друг друга, две правовые и судебные системы — светская и церковная, имевшие в своей основе различные источники, является отличительной чертой европейской истории по отношению к исламской и восточноазиатской правовым культурам⁵. Необходимо отметить, что римское и церковное право были тесно связаны, некоторые ученые даже называют процесс становления римского и канонического права единым процессом⁶. И церковное право, и римское представляли собой *ius commune* — общее право. Однако не стоит недооценивать и периодов противостояния государства и церкви, которые безусловно отражались и в спорах о подсудности дел церковным или светским судам.

На основе положения о том, что все преступления, связанные с грехом, должны рассматриваться церковным судом, к подсудности церковным судам были отнесены следующие виды преступлений: ересь, веротступничество, колдовство, святотатство (кража церковного имущества или насилия над священником), а также нарушение супружеской верности, кровосмешение, двоеженство, лжесвидетельство, клевета, подделка документов, ложная присяга, ростовщичество⁷. Кроме того, церковным судам были подсудны дела, в которых обвиняемым выступал священнослужитель или предметом иска являлись доходы духовного лица от прихода. Споры о наследстве, приданом и помолвке также относились к компетенции церковного суда, поскольку имели «духовное» основание⁸.

¹ История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 163–164; Рубаник В.Е. История государства и права зарубежных стран: учебник. М.: КНОРУС, 2015. С. 286.

² История государства и права зарубежных стран: учеб. / К.И. Батыр, И.А. Исаев, Г.С. Кнопов [и др.]; под ред. К.И. Батыра. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 190; История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Чибиряева. М.: Былина, 2002. С. 160.

³ Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Изд. дом международного университета в Москве, 2007. С. 19.

⁴ Колесницкий Н.Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII века). М., 1959. С. 183–184.

⁵ Айзенхардт, У. Немецкая правовая история. Мюнхен: CH Beck, 2013. С. 108.

⁶ Везель, У. История права: от ранних источников права до современности. Мюнхен: CH Beck, 2012. С. 309.

⁷ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М.: Юрист, 2002. С. 156.

⁸ Лауфс, А. Правовое развитие в Германии. 6-е изд., перераб. и доп. Берлин: Де Грютер, 2015. С. 60.

Многие ученые указывают, что церковное право зачастую имело преимущество по отношению к праву светскому⁹. Данный факт основан в первую очередь на политической и идейной власти римской церкви. Церковь в Средние века являлась гораздо более важной духовной властью и в то же время представляла собой большую, закрытую и иерархически выстроенную организацию, власть которой основывалась на использовании письменности, обучения в школах и университетах, награждении ее выдающихся деятелей. Кроме того, именно традиции исповеди и наказания с их тенденцией моральной и субъективной оценки поведения послужили основой светского уголовно-правового учения о вине¹⁰.

То же, что сделал Ирнериус для римского права, сделал для канонического права в тот же исторический период — в начале XII века и в том же городе Грациан. Грациан был монахом в одном из монастырей в Болонье и изучал церковное право. Грациан собрал все нормы церковного права, действовавшие в 1100 году, объединил и упорядочил их. Свой труд Грациан иронично назвал *Concordia discordantium canonum* — собрание разрозненных норм¹¹. Каждая норма церковного права, изложенная в труде Грациана, была подкреплена цитатой Библии, декретами папы, постановлениями церковных соборов или

высказываниями авторитетных церковнослужителей. Несмотря на то что работа Грациана представляла собой скорее частную инициативу, его труд, опубликованный в 1140 году, стал фундаментальным трудом автономного церковного права на несколько веков вперед, и даже позднее назывался *Decretum Gratiani*¹². Необходимо отметить также, что Грациан своим трудом заложил основу канонистики как самостоятельной отрасли теологии.

Рациональная система изложения и порядок, в который были приведены действующие на тот момент нормы церковного права, были как раз тем, что требовалось сильной церковной власти. В XII веке именно церковная власть стала примером для власти светской — местных князей.

Нормы церковного права, возникшие после смерти Грациана, не систематизировались и поэтому назывались *Extravagantes*. В XIII веке труд Грациана был дважды дополнен — в 1234 и 1298 гг., а уже в 1580 году переименован в *Corpus Iuris Canonici* и издан в 1582 году. В *Corpus Iuris Canonici* содержались правовые нормы, регулирующие, с одной стороны, внутрицерковную организацию. С другой стороны, поскольку церковным судам были подсудны и светские дела, *Corpus Iuris Canonici* содержал также нормы гражданского и уголовного права. Именно *Corpus Iuris Canonici* в XVI веке впервые закрепил правовую определенность в средневековом обществе путем фиксирования норм позитивного права¹³. Также нормы классического канонического права были сформулированы в абстрактной, а не казуистичной форме, тогда как нормы церковного права XII века представляли собой скорее прецедентное право. *Corpus Iuris Canonici* в редакции 1580 года действовал вплоть до 1917 года. В 1917 году была проведена кодификация канонического права и принят *Codex iuris Canonici*, действовавший в свою очередь до 1983 года¹⁴.

Обращаясь к взаимному влиянию римского и канонического права, отметим, что каноническое право перенимало понятия и методы права римского. В свою очередь такие понятия и институты канонического права, как свобода формы договора, запрет начисления процентов и требование справедливой цены по договору купли-продажи, нашли отражение в римском, а позднее и в германском

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Интересно, что в XIII и XIV вв. изучение церковного и светского права было отделено друг от друга. Ученую степень доктора студенты могли получить либо в церковном либо в светском праве. Начиная с XV века все больше студентов изучали обе отрасли права, что позднее стало нормой.

¹¹ В этом месте необходимо пояснить толкование термина «канон». Буквально «канон» означает норму церковного права, поэтому зачастую понятия «каноническое» и «церковное» право употребляются в синонимичном значении. Лексический анализ понятия «канон» указывает, что содержание его максимально соответствует слову *lex* по смыслу римского права. Отсюда проистекает и разграничение на легистов и канонистов — как на специалистов в римском праве и каноническом праве. Естественно, существуют и иные подходы к отграничению понятий канонического и церковного права, которые не являются предметом данной статьи и заслуживают отдельного исследования. Мы же в данной статье исходим из сходного значения канонического и церковного права.

¹² Везель, У. Указ. соч. С. 310.

¹³ Айзенхардт, У. Указ. соч. С. 108.

¹⁴ Лауфс, А. Указ. соч. С. 59.

праве. Интересно, что запрет начисления процентов по договору займа основан на том, что взимание процентов по договору займа — это ростовщичество и является грехом. Данный запрет был снят лишь в конце XVIII века¹⁵. Кроме того, каноническое право оказало большое влияние на семейное, гражданское процессуальное, уголовное процессуальное и уголовное право.

В области семейного права именно церковное право впервые закрепляет брак как правовой институт. Церковное право закрепило равные права супругов в личных отношениях и определило супружескую верность как двустороннюю обязанность. Церковное право закрепило принципиальную невозможность расторжения брака, а также ввело запрет на браки между близкими родственниками. Интересно, что действие церковного права в отрасли семейного права продолжалось вплоть до 1875 года, когда вступил в силу имперский закон о гражданских состояниях, которым была введена обязательная регистрация брака представителем государственной власти¹⁶.

В современном гражданском праве нормы об обещании заключения договора основаны на связи между правовыми обязательствами и моральными устоями, а также учении о «божественной справедливости», которое содержится в каноническом праве. Учение о «божественной справедливости» привело к признанию юридической силы за устными соглашениями, утверждению принципа *pacta sunt servanda*¹⁷, развитию учения о «добрых нравах» (нем. *Gutglaube*).

Из канонического права в современное немецкое уголовное право были имплементированы нормы о выяснении материальной истины судьей в ходе судебного процесса, а также о ведении уголовного процесса по долгу службы¹⁸.

Под влиянием канонического права, и первоначально исключительно в церковных судах, в XIII веке в Германии появляется ин-

ститут нотариата и нотариального удостоверения официальных документов. В 1512 году принимается первый имперский закон о нотариате (*Reichsnotariatsordnung*). Окончательно связь нотариата с церковной администрацией была разрушена лишь в эпоху Реформации¹⁹.

Позднее, в Саксонском зеркале, одном из крупнейших германских правовых памятников первой половины XII века, так отражена связь государства и церкви: «Два меча предоставил Бон земному царству для защиты христианства. Папе — духовный, императору — светский. Это значит, кто противится папе и не может быть принужден церковным судом, того император обязан принудить при помощи светского суда. Точно так же и духовная власть должна помогать светскому суду, если он в этом нуждается»²⁰. Также каждый христианин в соответствии с п. 1 ст. 2 Саксонского зеркала должен трижды участвовать в церковном и светском судах: «Каждый христианин обязан по достижении им совершеннолетия участвовать трижды в году в церковном суде в том епископстве, где он проживает. Свободные же люди бывают трех родов: шеффенские люди, чиншевики и поселенцы». Дополнительно п. 2 ст. 2 уточнял: «...равным образом они должны участвовать в светских судах. Шеффены — в суде графа через каждые 18 недель по королевскому приказу»; п. 3 ст. 2 — «...чиншевики тоже обязаны на основе их земельной собственности участвовать в суде шультгейса (префекта) через каждые 6 недель. Из их среды должен быть избран судебный пристав»; п. 4 ст. 2 — «...поселенцы, не имеющие никакой земельной собственности в данном месте, обязаны участвовать в суде гографа²¹ через каждые 6 недель».

Кроме того, в Саксонском зеркале проводится разграничение компетенции светских и церковных судов. Так, Саксонское зеркало за-

¹⁵ История государства и права зарубежных стран: учебник: В 2-х т. Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; Инфра-М, 2010. С. 473.

¹⁶ Лауфс, А. Указ. соч. С. 60.

¹⁷ История государства и права зарубежных стран. Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. С. 473.

¹⁸ Айзенхардт, У. Указ. соч. С. 109.

¹⁹ История государства и права зарубежных стран. Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. С. 473.

²⁰ Саксонское зеркало // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие: В 2-х т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра и Е.П. Поликарповой. М.: Проспект, 2011. С. 284–295.

²¹ Гограф (гауграф) стоял во главе гау — подразделения графства. Он имел право суда над низшими свободными людьми. См.: Саксонское зеркало // Там же. С. 285.

крепляет рассмотрение дел в области семейного и наследственного права за светскими, а не церковными судами, как это было ранее.

В заключение необходимо отметить, что каноническое право не только оказывало влияние на отдельные правовые институты, но и укрепило мысль о необходимости объеди-

нения и упорядочения правовых норм. Таким образом, основной тенденцией развития права в средневековой Германии был процесс формирования общегерманского права на основе постепенной унификации различных источников права для формирования единой системы права.

Литература

1. Айзенхардт У. *Немецкая правовая история*. 6-е изд., перераб. и доп. Мюнхен: СН Векс, 2013. С. 108, 109.
2. Везель У. *История права: от ранних источников права до современности*. 4-е издание перераб. и доп. Мюнхен: СН Векс, 2012. С. 309–310.
3. *История государства и права зарубежных стран: учеб.* / К.И. Батыр, И.А. Исаев, Г.С. Кнопов [и др.]; под ред. К.И. Батыра. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 190.
4. *История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров* / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 163–164.
5. *История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Чибиряева. М.: Былина, 2002. С. 160.
6. *История государства и права зарубежных стран: учебник*: В 2-х т. Том 1: Древний мир и Средние века / отв. ред. Н.А. Крашенинникова, О.А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА; Инфра-М, 2010. С. 473.
7. Колесницкий Н.Ф. *Исследование по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII века)*. М., 1959. С. 183–184.
8. Лауфс, А. *Правовое развитие в Германии*. 6-е изд., перераб. и доп. Берлин: Де Грютер, 2015. С. 59, 60, 61.
9. Патрушев А.И. *Германская история: через тернии двух тысячелетий*. М.: Изд. дом межд. ун-та, 2007. С. 19.
10. Рубаник В.Е. *История государства и права зарубежных стран: учебник*. М.: КНОРУС, 2015. С. 286.
11. *Саксонское зеркало // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие*: В 2-х т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра, Е.П. Поликарповой. М.: Проспект, 2011. С. 284–295.
12. Черниловский З.М. *Всеобщая история государства и права*. М.: Юрист, 2002. С. 156.

Народовластие в истории развития суверенитета: божественное начало

*Зенин Сергей Сергеевич,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации,
кандидат юридических наук
zeninsergei@mail.ru*

В предлагаемой статье исследуются теологические основания доктрины суверенитета, сформировавшиеся в средневековый период развития государства и права. Автор последовательно раскрывает сущностные основы формирования теоретических представлений о соотношении церковной и светской власти. В работе обосновывается идея о том, что базовые элементы доктрины божественного суверенитета лежат в основе формирования государственного и национального суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, народовластие, власть, Средние века, церковь.

The Rule of the People in the Sovereignty Development History: Divine Beginning

*Zenin Sergey S.,
Assistant Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Senior Research Scientist of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The proposed article reviews the theological bases of the sovereignty doctrine having been formed in the medieval period of state and law development. The author sequentially discloses the essential foundations for forming of theoretical concepts of correlation between the hierocracy and temporality. The work justifies the idea that the basic elements of the divine sovereignty doctrine lie at the root of state and national sovereignty forming.

Key words: sovereignty, the rule of the people, power, the Middle Ages, church.

В лице своих богов человек рисует свой собственный портрет.

Ф. Шиллер

Народовластие, являясь самостоятельным политико-правовым явлением, одновременно находится во взаимодействии с целостной системой демократического государства и отдельно взятыми ее неотъемлемыми элементами, что порождает изменения в его содержании. Обобщенно данный процесс может быть представлен в нескольких основных моделях: во-первых, наполнение рассматриваемого понятия новым содержанием может быть связано с образованием связей, с впервые появившимися элементами демократической системы; во-вторых, возрождение ранее существующих связей с восстановленными элементами этой системы; в-третьих, это изменение содержания уже существующей связи между элементами вслед-

ствие переосмысления их сущностного содержания.

Функционирование двух первых моделей обновления содержания исследуемого понятия так или иначе связано с поиском новых подходов к реализации демократической идеи в национальных правовых системах. Как справедливо отмечает А.А. Гусейнов, западноевропейская демократия в своей истории прошла три важных стадии: национальную, социальную и либеральную¹. На каждой из которых содержание самой демократии раз-

¹ См.: Гусейнов А.А. Демократия и Россия: брак по любви или по расчету? // Демократия и суверенитет: Многообразие исторического опыта. М.: Идея-Пресс, 2010. С. 12.

вивалось путем имплементации многообразия политических идей в демократическую систему.

Существование третьей модели обусловлено несколько иными факторами. В данном аспекте развитие демократии как системы неизбежно связано с образованием связей между ранее существующими и новыми элементами, что зачастую трансформирует содержание понятий, лежащих в основе формирования научных представлений о государстве и праве.

В этой связи, исследуя сущность понятия «народовластие», полагаем, особое внимание необходимо уделить анализу его связей с другими элементами современного демократического государства, отдельное место среди которых занимает суверенитет. Эволюция теоретических подходов к определению его содержания в целом отражает общие закономерности развития политической системы.

Этот процесс можно иллюстрировать прежде всего изменением ряда показателей: носителя, формы реализации и его свойств. Все это неизбежно отразилось на процессе формирования современных представлений о народовласти как неотъемлемом элементе основ конституционного строя практически любого демократического государства. Изучение особенностей влияния процесса развития суверенитета позволяет выявить новые аспекты образования содержания понятия народовластия, что станет основой для углубления научных знаний о сущности народовластия.

Эволюция представлений о суверенитете неразрывно связана с преобразованием его носителя и, как следствие, модернизацией его свойств. Суверенен ли Бог, то есть тот, кто в земной действительности действует как его представитель, не встречая прекословий, или император, или владетельный князь, или народ, — вопрос всегда стоит о субъекте суверенитета, о применении понятия к конкретному положению дел². Двигаясь по линии от божественного понимания суверенитета к обоснованию суверенной власти королей, от правового оформления многообразия проявления национального до наднационального суверенитета, развивалось научное представление о содержании этой правовой категории.

Идея о сакральном происхождении власти сопровождает весь путь развития человеческого общества. Поиск оснований для

повиновения в области сверхъестественного можно обнаружить практически во всех ранних цивилизациях. Эти идеи оказали самое существенное влияние на развитие многих политико-правовых институтов, одним из которых является суверенитет. Во многом определяя содержание современных теоретических представлений о государстве и праве, это явление фактически проистекает из теологических представлений. Идеи, оформившиеся в Средние века и ставшие основой формирования его современной концепции, объединяются в доктрину божественного суверенитета.

Развитие этого теоретического конструкта сегодня можно наблюдать в правовой доктрине стран исламского мира³. Формирование идеи божественного суверенитета и оценка характера ее влияния на современное государство и право определяются доминирующим направлением в исламе. В шиитском исламе признается принадлежность верховного суверенитета исключительно Аллаху, представителем которого является священнослужитель или духовный лидер. В суннитской же исламской государственной доктрине центральное место занимает учение о халифате, в соответствии с которым от имени Аллаха высшую власть на земле осуществляет обладающая полным суверенитетом мусульманская община. Даная общность действует как политическое отражение суверенитета Аллаха на Земле. Не углубляясь в содержание этого вопроса, считаем необходимым отметить, что анализ развития представлений о суверенитете в исламском мире является самостоятельным направлением исследования в правовой антропологии, выходящим за пределы настоящей работы.

В христианской Европе ядром рассматриваемой концепции стала идея, выраженная в послании святого Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению»⁴. Любая власть, как светская, так и духовная, происходит от Бога. Сложившаяся система власти есть объективное выражение высшей воли, не подвластной человеку, это самостийная политическая среда, в которой взаимодействие субъектов строится на основании божествен-

² См.: Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 12.

³ См.: Andrew F.M. Genealogies of Sovereignty in Islamic Political Theology. Social Research. 2013. Vol. 80. No. 1, pp. 293–320.

⁴ Послание к Римлянам. Гл. 13, 1–2.

ного закона. Понимание именно Бога как вершины любого властвования лежит в основе формирования подходов, определяющих как суть, так и форму властвования.

Кроме того, содержание божественного суверенитета возможно рассматривать шире представленного выше подхода. Оно может находить разнообразные проявления, включая суверенитет Бога: в своей власти, в передаче своей силы другим, в проявлении своей милости, в проявлении своей благодати и так далее⁵. Причем многие из этих представлений находят свое отражение и в современной конституционно-правовой доктрине: божественная милость восходит к институту помилования, благодать — к комплексу правовых предписаний, устанавливающих правовые льготы, да и в целом понимание сущности государства формируется под влиянием концепции именно божественного всемогущества. В этих условиях формируется теологическое содержание суверенитета. Во многом это выражало особенности средневекового общественного сознания, его повышенную религиозность. Именно в развитии суверенитета как нельзя четко выражается тот случай, когда юридическое оформление историко-правовой действительности смогло найти такое понятие, структура которого совпадала со структурой метафизических представлений самого общества⁶.

Как отмечает Б. Жувенель, в Средние века власть была разделенной, ограниченной и по сути своей не была суверенной, в современном смысле этого слова. Средневековое понимание суверенитета во многом связано с такой категорией, как «превосходство». Это качество, которым обладает власть, находящаяся выше всех других, над которой нет вышестоящей силы. Однако наличие самого высокого права суверена не свидетельствует об изменении природы его власти, суверенитет не уточняет свойство власти и не является ее источником⁷.

Подобную мысль высказывал также и Г. Еллинек, связывающий рождение представлений о суверенитете с борьбой государства с тремя силами: церковью, Римской империей и крупными владельцами, корпорациями. В этой связи значение идеи божественного

суверенитета возможно выявить через отражение в нем характера взаимодействия светской и духовной властей.

Теория двух градов — земного, олицетворяющего государство, и божьего, воплощающего церковь, обоснованная Блаженным Августином, закрепляет приоритет второго над первым. Если царю в своем царстве дозволено отдавать приказания, — пишет Августин, — то тем более надлежит, не ведая сомнения, подчиняться приказаниям Бога, царствующего над всем творением своим. Бог стоит над всем; ведь и в человеческом обществе большая власть поставляется над меньшей, и эта последняя ей повинует⁸. Противоположность этих двух царств легла в основу воспринятой средневековым обществом антитезы мира и Бога. Наиболее полно эта идея мироотрицания была выражена папой Иннокентием III: «Мы умираем, пока живем, и лишь тогда перестанем умирать, когда перестанем жить...» Единственным средством преодоления этого греховного мира является его всестороннее подчинение владычеству церкви в лице земных ее представителей. В действительности же это фактически означало подчинение всей жизни абсолютному единоличному владыке католической церкви — папе⁹.

В этих условиях ослабление государственной власти и стремление католической церкви к первенству в политической системе средневекового общества привели к необходимости теоретического обоснования свойств религиозной власти. Основы этому были заложены в понтификат папы Григория VII. Стремясь к укреплению власти внутри церкви и осуществляя ее размежевание со светской властью, папа одновременно решал задачу обоснования приоритета папской власти в политической сфере. Во многом это стало возможным благодаря ослаблению императорской власти. Место идеи императорской власти как объединяющей силы светского мира занимает идея вселенской верховной власти папы, который позиционируется как глава христианского универсума. Только ему обязаны повиноваться все светские князья и церковные иерархи. Квинтэссенция этих идей нашла свое выражение в 27 основных положениях *Dictatus papae* («Диктат папы») ¹⁰, смыс-

⁵ См.: Пинк А. Божественный суверенитет. М.: Альфом, 1998. С. 17–25.

⁶ См.: Шмитт К. Указ. соч. С. 41–42.

⁷ См.: Жувенель Б. Власть: Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2011. С. 56.

⁸ См.: Августин. Исповедь. СПб., 2000. С. 506.

⁹ См.: Булгаков Н.С. История социальных учений в XIX веке // Булгаков С.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 48–54.

¹⁰ См.: Гергей Е. История папства / пер. с венг. М.: Республика, 1996. С. 100–101.

ловое значение которых может быть разделено на несколько самостоятельных групп. *Во-первых*, это обоснование независимости католической церкви: только римская церковь была основана самим Господом (1); только римский папа вправе называться вселенским (2); только имя папы упоминают в церквях (10); во всем мире лишь он удостоен имени папы (11); римская церковь еще никогда не ошибалась, она, согласно свидетельству Писания, вечно будет непогрешимой (22). *Во-вторых*, утверждение единства церковной власти и самостоятельности в решении вопросов церкви: одному папе принадлежит право назначения и смещения епископов (3); папа может выносить решение о смещении и отсутствующих лиц (5); одному папе можно... образовывать новые епископства, капитулы преобразовывать в аббатства и, наоборот, делить и объединять епископства (7); по своему усмотрению папа может переместить клирика из одной церкви в другую (14). *В-третьих*, обоснование верховенства власти церкви и папы: легат папы на соборе по своему положению стоит выше любого епископа, даже если он имеет более низкое звание; ему также принадлежит право перевода епископов (4); один папа может носить императорские регалии (8); все князья должны целовать ногу только у папы (9); папа вправе низлагать императоров (12); без распоряжения папы нельзя созывать вселенский собор (16); никто не вправе изменить решения папы, пока он сам не внесет в него соответствующие изменения (18); никто не имеет права судить папу (19); папа может освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех (27).

Таким образом, первоначально решая задачу обоснования первенства католической церкви в соперничестве Западной и Восточной христианских церквей, а также выстраивая единство системы власти папы в решении внутренних вопросов, церковь определяла самостоятельность святого престола от светской власти и формировала теоретические основы современных представлений о суверенитете как неотъемлемом свойстве государства¹¹. Дальнейшее постепенно возрастающее влияние католической церкви в целом и лично папы стали основой для дополнения данной концепции еще одним

элементом — верховенством власти папы в политической системе общества и, как следствие — религиозной власти над светской.

В дальнейшем это нашло свое доктринальное выражение в интерпретации теории двух мечей папой Бонифацием VIII в булле *Unam Sanctam* («Единая святая церковь»), изданной в 1302 году с целью обоснования верховенства папской власти. Глава католической церкви, будучи заместителем Бога на земле, как бы держит в руках два меча, которые символизируют светскую и духовную власти. Образность этого подхода призвана оформить производность светской власти и, как следствие, подчиненность ее святому престолу. В то же время происходит соединение в одной точке метафизического и политического, и этим центром выступает глава католической церкви. Занимая верховное положение в религиозной системе общества, он становится воплощением божественного на Земле и входит в политическое пространство — религиозное как бы застигает политическое.

Значение этого явления для государства и права заключается в формировании его нового основания для признания легитимности. Только то государство и право может существовать, которое воплощает идеи христианства и поддерживается святым престолом. Папа, реализуя свою власть, признает существование того или иного государства. Примером этого может служить признание в 1179 г. папой Александром III в своей булле *Manifestatis probatum* Португалии как самостоятельного королевства. Афонсу Завоевателю вручалось Португальское королевство со всей полнотой королевских почестей и достоинством, которое следует королям, а также все земли, которые он завоеует в будущем¹².

Однако переосмысление догматов Блаженного Августина под влиянием аристотелевского представления о государстве и праве, осуществленное Фомой Аквинским, внесло ряд изменений в концептуальные основы системы отношений светской и религиозной власти. Стремясь развить теоретическое обоснование примата католической церкви, богослов приходит к выводу о некоторой автономии природы. За государством, как ее продуктом, также признается наличие этого свойства, что открывает новые ракурсы в решении вопроса о соотношении церковной

¹¹ См.: Пастухова Н.Б. Государственный суверенитет: история и современность. М.: Аспект-Пресс, 2013. С. 353–356; Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. С. 64–65.

¹² См.: Варьяш О.И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в средние века. М.: Наука, 2006. С. 50.

и светской властей¹³. В этой связи автономия государства должна была быть выражена в самостоятельности светской власти.

Формирование этого подхода во многом осуществлялось как выражение объективных процессов оформления и последующего усиления национальных государств Западной Европы. Отражая взаимосвязь фактического и юридического суверенитета¹⁴, возрастание военной и политической мощи национальных государств находило свое выражение в правовом воплощении идеи суверенитета, его государственном выражении.

Нарастающий конфликт светской и политической власти из догматического постепенно переходит в политическое пространство. Он стал основой формирования объективных условий для развития политико-правовой мысли о суверенитете в направлении обоснования позиций противоборствующих сторон. Как справедливо отмечал Б.Н. Чичерин, на этой почве формируются два интеллектуальных полюса: Болонская школа — обосновывающая теорию императорской власти, и кантонисты, доказывающие приоритет папы¹⁵. Вообще, история развития суверенитета как идеи характеризуется различными политическими битвами за власть, а не диалектическим развитием, имманентным понятию¹⁶. Наряду с прочими, результатом этой борьбы стало базирующееся на метафизических представлениях средневекового общества теоретическое оформление суверенитета как неотъемлемого свойства власти. Религиозное сознание, обеспечивающее необходимые условия для притязаний католической церкви, выступает тем конечным объектом, на соединение с которым направлено развитие политического в этот период. Суверенитет, наполняясь теологическим содержанием, тем самым сближается с представлениями, доминирующими в общественном сознании. Объективизация суверенитета, как процесс его воплощения в политической форме, неразрывно связана с процессами его субъективного восприятия. Найдя свое отра-

жение в содержании исследуемого явления, божественное, сакральное начало сохраняется практически на всех этапах его развития.

Представления о Боге как абсолюте лубой, в том числе и политической системы, став догмой учения о божественном суверенитете, обеспечили выработку теоретической основы идей суверенитета, проявляющейся во всем многообразии ее трансформации. На пути от божественного суверенитета к учению о божественности происхождения власти монарха как суверена, олицетворяющего собой государство, и в дальнейшем — к формированию идеи народного суверенитета происходит развитие ключевых компонентов теологической концепции, сформированной в период Средневековья.

Осуществленная этизация самого понятия суверенитета, как и власти в целом, — это суверенная власть, поскольку она законна, а значит, справедлива, противостоит некультурному хаосу, где господствует зло. Земные государства своей силой, следуя божественному образу, должны были оказывать всяческое содействие триумфальному шествию Небесного Града: вся земная история становится ареной борьбы сил Добра и Зла¹⁷, а сами эти категории становятся нравственными пределами государства и права.

Сформировавшись однажды, метафизическое остается неизменным свойством каждого нового носителя суверенитета, становится его неотъемлемым качеством, находящим множество проявлений в истории развития национальных правовых систем. В средневековый период становления идей государственного суверенитета это возможно достаточно полно увидеть в развитии идей божественной природы власти монарха. Определенными примерами также выступают институт коронации и помазания, низложения монархов и последующее оформление их культа как святых королей-мучеников¹⁸, представления о чудотворных способностях монарших особ, просуществовавшие вплоть до конца XVIII века¹⁹. Особое место в чере-

¹³ См.: Кембаев Ж.М. Политико-правовая история идеи единой Европы: с древнейших времен до современности. Алматы-Астана: Академ-пресс, 2012. С. 35–39.

¹⁴ См.: Фарберов Н.П. О суверенитете союзных республик. М.: Правда, 1947. С. 3–5.

¹⁵ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. 1: Древность и Средние века. М.: Тип. Грачева и комп., 1869. С. 136.

¹⁶ См.: Шмитт К. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ См.: Исаев И.А. Суверенитет и господство: система власти // История государства и права. 2012. № 22. С. 2–15.

¹⁸ См.: Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М.: ИВИ РАН, 2003. 406 с.

¹⁹ См. подробно: Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распростра-

де этих иллюстраций занимают эффигии, так называемые «дышащие статуи», призванные олицетворять бессмертие института королевской власти²⁰.

ненных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.

²⁰ См.: Федоров С.Е. Посмертное изображение монарха в раннеюготоровской Англии: возрожденный Соломон и королевская эффигия // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 177–189.

Метафизическое не утрачивается и в процессе оформления нации народа как нового суверена. Идея народного суверенитета, базирующаяся на верховенстве политической воли этого субъекта, сама по себе есть отражение абсолюта воли божественной. Будучи одним из элементов конституционного строя современного демократического государства и базовым принципом построения системы международных отношений, национальный суверенитет в своей основе выступает результатом преобразования теологической концепции, что во многом отражает его мимезис.

Литература

1. Августин. Исповедь. СПб., 2000.
2. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
3. Булгаков Н.С. История социальных учений в XIX веке / Булгаков С.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.
4. Варьяш О.И. Пиренейские тетради: право, общество, власть и человек в средние века. М.: Наука, 2006.
5. Гергей Е. История папства / пер. с венг. М.: Республика, 1996.
6. Жувенель Б. Власть: Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2011.
7. Исаев И.А. Суверенитет и господство: система власти // История государства и права. 2012. № 22.
8. Кембаев Ж.М. Политико-правовая история идеи единой Европы: с древнейших времен до современности. Алматы-Астана: Академпресс, 2012.
9. Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948.
10. Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М.: ИВИ РАН, 2003.
11. Пастухова Н.Б. Государственный суверенитет: история и современность. М.: Аспект-Пресс, 2013.
12. Пинк А. Божественный суверенитет. М.: Альфом, 1998.
13. Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006.
14. Фарберов Н.П. О суверенитете союзных республик. М.: Правда, 1947.
15. Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. 1: Древность и Средние века. М.: Тип. Грачева и комп., 1869.
16. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.

Правовая реальность России: понятие и структура

*Скоробогатов Андрей Валерьевич,
профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного
университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
доктор исторических наук, доцент
skorobogatov@ieml.ru*

*Краснов Александр Валерьевич,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского
государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
field08@mail.ru*

Статья посвящена интегративному исследованию концепта «правовая реальность». Представлена авторская дефиниция правовой реальности. Изучены основные элементы данной категории. Сделан вывод, что правовая реальность, как фундаментальная юридическая категория, обозначает особую разновидность социальной реальности. Она не отличается субстанциональностью, выступая способом организации и интерпретации определенных аспектов правового бытия индивида и социума. Как сложноорганизованная, многоуровневая система, она включает всю совокупность объективных и субъективных юридических явлений, которые могут быть представлены не только онтологически, но и феноменологически, когнитивно, функционально, пространственно и темпорально.

Ключевые слова: правовая реальность, постклассическая методология, правовой опыт, правовая ценность, правовое поведение, неписаное право.

Legal Reality of Russia: Notion and Structure

*Skorobogatov Andrey V.,
Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines
of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
Doctor of History, Assistant Professor*

*Krasnov Aleksandr V.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law and State
of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Article is devoted to an integrative research of a concept "law reality". The author's definition of law reality is given. Basic elements of this category are studied. The conclusion is drawn that the law reality as fundamental legal category, designates a special kind of social reality. She doesn't differ in a basic, acting as way of the organization and interpretation of certain aspects of law life of the individual and society. As the elaborate multilevel system on includes all set of the objective and subjective law phenomens which can be presented not only ontology, but also phenomenology, cognitive, functional, spatially and temporal.

Key words: law reality, post-classical scientific methodology, legal experience, legal behavior, unwritten law.

Важнейшей задачей теории и философии права выступают выявление и изучение юридических понятий и категорий фундаментального порядка, которые характеризуют сущность и содержание правового бытия общества. Одной из таких категорий, относительно недавно введенных в научный оборот, является «правовая реальность».

Категория правовой реальности в наибольшей степени соответствует интегративному видению права, которое исходит из невозможности исследования права с помощью одной теории и методологии и объяснения его сущности посредством указания на одно явление. Если интегративное правопонимание ставит задачей преодолеть односторонность позитивистских, социологических

и естественно-правовых теорий путем создания целостной категории права, то категория правовой реальности призвана вобрать в себя и структурировать на принципиально иных основах все многообразие правовых явлений¹. Конечно, правовая реальность — далеко не первая категория, предложенная для целостного исследования правовых феноменов. Кроме нее, науке хорошо известны категории правовой системы, правовой надстройки, правовой жизни. Однако, в отличие от них, она связана не только с позитивным правом и позволяет рассматривать правовые явления в различных контекстах.

Опираясь на дефиницию С.И. Максимова, мы рассматриваем правовую реальность как многоуровневую систему правовых феноменов, автономную метасоциальную реальность, смысловым выражением которой является взаимное должностное во взаимодействии субъектов².

Правовая реальность определяет особое бытие права, которое характеризуется сочетанием субъективных и объективных начал. Онтологически она соединяет множество правовых феноменов с разными качественными и количественными характеристиками. В частности, правовая реальность охватывает феномены объективного порядка (системы нормативного правового регулирования в разных проявлениях, институционализированные структуры общества и государства, осуществляющие правовую деятельность), которые существуют независимо от сознания субъектов; субъективные явления (правосознание, правовая культура, правовые архетипы сознания, интерпретация правил поведения, мотивация деяний субъектов и пр.); иррациональные явления (в силу ситуативности правового поведения индивида его действия могут быть вызваны иррациональными факторами)³.

Подчеркнем, что феномены объективного и субъективного плана тесно взаимодействуют, хотя в определенных аспектах могут существовать и независимо друг от друга⁴.

В целом для правовой реальности характерен смешанный, субъективно-объективный характер. По существу, ни в одном из сегментов правовой реальности нельзя обнаружить правовые феномены, которые никак не связаны с толкованием права или воздействием иных факторов субъективного порядка⁵. Любая правовая норма не существует без соответствующей интерпретации и выражения в соответствующих действиях субъектов.

Следует иметь в виду, что в сравнении с известными категориями правовой системы, правовой надстройки и правовой жизни правовая реальность не отличается субстанциональностью. Она выступает способом организации и интерпретации определенных аспектов правового бытия индивида и социума. Для нее не характерны жесткие границы в плане существования материальных объектов; она охватывает как материальный, так и идеальный уровни существования правовых феноменов. К примеру, бытие нормы позитивного права охватывает не только формулировку «правила поведения», но и субъективные представления о них, соответствующие интерпретации, которые существенно отражаются на реально совершаемых в порядке реализации права действиях.

Сущность правовой реальности может быть рассмотрена с позиции достижения стабильной организованности общества посредством упорядочения правового поведения людей, что в свою очередь невозможно без упорядочения ментальной составляющей — правосознания, правовой культуры. Это отличает ее от правового регулирования, которое связано с организацией лишь внешнего поведения посредством главным образом формально-юридических средств из арсенала позитивного права.

Постклассическая научная рациональность, на которой базируются исследования правовой реальности, вызвала к жизни такое направление науки, как социально-культурная антропология права, в рамках которой применительно к пониманию правовых феноменов используется идея социального конструктивизма⁶. Следует констатировать, что

¹ См., напр.: Веденеев Ю.А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // *Lex Russica*. 2015. № 5. С. 7–22.

² Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. С. 45.

³ Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 15–16.

⁴ Большаков Е.В. Теоретико-методологические основы исследования проблемы правовой ре-

альности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32). Ч. 2. С. 40.

⁵ Cossio C. *Intuition, Thought, and Knowledge in the Domain of Law. Philosophy and Phenomenological Research*. 1954. Vol. 14. No. 4, pp. 470–493.

⁶ Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред.: Н.А. Исаев,

правовая реальность есть социальный конструкт⁷. Отметим, что в конструировании правовой реальности участвует все общество. Хотя основная роль в этом плане принадлежит государству, призванному сбалансировать интересы и свести к минимуму социально-юридические конфликты, тем не менее другие институты общества также участвуют в гармонизации отношений, в том числе с использованием неписаного, неформального права.

Среди признаков правовой реальности выделяются нормативная определенность, формальность и императивность⁸. В отличие от других систем социально-нормативного регулирования (религиозная, моральная, корпоративная), право в своем составе имеет компоненты (прежде всего позитивное право, законодательство), которые обладают властно-регулятивной и государственно-принудительной природой. Реализация таких норм с применением юрисдикционных средств воздействия базируется на институционализации норм в фиксируемых, формальных источниках права. Что касается императивности права, то она может быть рассмотрена как в аспекте позитивного права (основывается на его связи с государством и его принудительной силой), так и неписаного права (связь соответствующих норм с обществом в целом или локальным сообществом, обеспечиваемая их авторитетностью, наличием устойчивых ожиданий от контрагентов, репутацией участников).

Правовая реальность может быть рассмотрена как сложно организованная социальная система, которая может быть структурирована на нескольких уровнях, диалектически взаимодействующих между собой. Чем больше степень корреляции и гармонизации ее компонентов (когнитивного, функционального, темпорального и пространственного характера), тем выше будет социальная эффективность и легитимность

И.Л. Честнов. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. 840 с.

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.; Честнов И.Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права // Платон. 2012. № 1. С. 45–51.

⁸ Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007. С. 13.

юридических норм и государственной деятельности⁹.

На базе феноменологического метода представляется допустимым выделение в рамках правовой реальности уровней правотворчества (совокупность действий уполномоченных государством субъектов по формированию юридических норм и система законодательства, созданная в результате этой деятельности) и правореализации (совокупность действий субъектов права по реализации юридических норм, в т.ч. правоприменение, и комплекс правоприменительных и правореализационных документов, как результат этой деятельности). В периоды переходного характера, при низкой социальной эффективности законодательства можно говорить о формировании третьего уровня правовой реальности, а именно правового поведения. В силу развивающейся социально-правовой аномии в кризисный период субъект зачастую соотносит свои действия не столько с законодательством, сколько с представлениями о справедливости, формируя некий симбиоз когнитивного (представления) и функционального (деяния).

Правовое поведение детерминировано индивидуальным и социальным правовым опытом. Первый охватывает правосознание и правовые взаимодействия конкретных индивидов и выражается в правовых знаниях, умениях и привычках, тогда как второй носит более общий характер и связан с синтезированием правовой ментальности и правового идеала, которое проявляется в формальном закреплении моделей ситуаций¹⁰. В значительной степени освоение правового опыта связано с правовой социализацией, результатом которой становится правовая идентификация индивида.

Таким образом, правовая реальность выступает как особое бытие права в конкретном пространственно-временном континууме. Следует согласиться с тем, что в ней соединяются не чисто юридические, но и иные практики производства и воспроизводства права

⁹ Денисенко В.В. Легитимность и государственное принуждение как характеристики сущности позитивного права // История государства и права. 2014. № 5. С. 25–28.

¹⁰ Подробнее см.: Тимофеев А.В. Юридический опыт проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2008.

(языковые, культурно-исторические и политические практики)¹¹.

Категория правовой реальности может быть исследована не только в онтологическом, но и когнитивном плане. В таком ракурсе можно выделить такой ее структурный элемент, как правопонимание. Последнее выступает как процесс и результат осмысления социальных явлений, признаваемых в обществе в качестве правовых, посредством которого формируются смысл права, теоретическое представление о нем. Именно правопонимание дает возможность определить, какое место занимает цель права в иерархии социальных и личных жизненных целей конкретного индивида.

Следует иметь в виду, что правопонимание осуществляется отнюдь не только учеными, но и иными субъектами правовой реальности, которые вовлечены в правовые процессы толкования, реализации норм, творческого конструирования неформальных, неписаных правил поведения. В результате правопонимание может сформировать определенный образ права и правовой реальности, который будет коррелировать на разных онтологических уровнях и гармонизировать правовую реальность¹².

Категория правовой реальности тесно связана с понятием правового пространства. Последнее определяет границы правового бытия индивида в пределах правовой реальности. Правовое пространство показывает протяженность устремлений, творческой энергии и реальных правовых действий субъекта (индивида, локального сообщества, общества в целом, государства) в определенном пространственно-временном континууме¹³.

Правовые действия субъекта хронологически не связаны с одним моментом. Они темпорально обусловлены на каждом из уровней правовой реальности и могут быть описаны с точки зрения определенных стадий¹⁴.

В функциональном плане, с точки зрения упорядоченности, правовая реальность может быть охарактеризована с позиций достижения правопорядка, который отражает определенное качественное состояние организуемых общественных отношений на конкретно-историческом отрезке времени. Правопорядок в используемом нами методологическом ракурсе обуславливается прежде всего соответствием представлений о социальной справедливости (ментальный образ) реальному состоянию справедливости, которое выражается в действующем законодательстве. В случае расхождения между указанными феноменами правосознание вступает в коллизию с содержанием норм позитивного права, усиливается неписанный компонент в правовом регулировании. Как итог, преобразующая сила позитивного права может быть минимизирована или вообще сведена к нулю.

Исследование правовой реальности невозможно без определения критериев отнесения тех или иных социальных феноменов к числу правовых. Очевидно, что в концепциях правопонимания соответствующие критерии могут существенно различаться¹⁵. С нашей точки зрения, одним из ключевых критериев для характеристики феноменов в качестве правовых можно считать их корреляцию с понятием правовой ценности. Последняя может быть рассмотрена как система принципов, постулатов и суждений, которые определяют отношение индивида, локального сообщества или общества в целом к правовой реальности. Как и правовая реальность в целом, правовая ценность обладает смешанным, субъективно-объективным характером.

Система правовых ценностей формирует-ся посредством овладения индивидом стандартами правового поведения, что, в свою очередь, характерно для процесса первичной правовой социализации. В свою очередь, в процессе вторичной правовой социализации индивид должен приобрести качества, которые сделают возможной его идентификацию с той или иной социальной группой (реальной и номинальной). Социальный правовой опыт соответствующей социальной группы трансформируется в определенные стереотипы моделей поведения индивида, которые могут способствовать наибольшей гармонизации отношений в правовой реальности в

¹¹ Веденеев Ю.А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Там же. С. 7–22.

¹² Подробнее см.: Скоробогатов А.В. Правопонимание как элемент правовой реальности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 16–22.

¹³ Подробнее см.: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовое пространство: постклассическая интерпретация // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (8). С. 81–88.

¹⁴ Догадайло Е.Ю. Право и время: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 11.

¹⁵ Hoerster N. Die rechtsphilosophische Lehre vom Rechtsbegriff. Juristische Schulung. 1987. Vol. 27, pp. 181–188.

том случае, если содержание правового опыта отражает сложившиеся правовые ценности¹⁶.

Таким образом, правовую реальность можно рассматривать как фундаментальную юридическую, философско-правовую категорию, обозначающую особую разновидность социальной реальности. Она не отличается субстанциональностью, выступая способом

организации и интерпретации определенных аспектов правового бытия индивида и социума. Правовая реальность является сложно-организованной многоуровневой системой, включающей всю совокупность объективных и субъективных юридических явлений, которые могут быть представлены не только онтологически, но и феноменологически, когнитивно, функционально, пространственно и темпорально. Поступательное общественное развитие зависит от степени гармоничной корреляции между собой различных компонентов правовой реальности.

¹⁶ Подробнее см.: Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация и формирование профессионального правосознания // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 407–410.

Литература

1. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Большаков Е.В. Теоретико-методологические основы исследования проблемы правовой реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32). Ч. 2. С. 37–41.
4. Веденеев Ю.А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // Lex Russica. 2015. № 5. С. 7–22.
5. Денисенко В.В. Легитимность и государственное принуждение как характеристики сущности позитивного права // История государства и права. 2014. № 5. С. 25–28.
6. Догадайло Е.Ю. Право и время: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 55 с.
7. Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007. 24 с.
8. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. 238 с.
9. Скоробогатов А.В. Правопонимание как элемент правовой реальности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 16–22.
10. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовое пространство: постклассическая интерпретация // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (8). С. 81–88.
11. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация и формирование профессионального правосознания // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 407–410.
12. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред.: Н.А. Исаев, И.Л. Честнов. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. 840 с.
13. Тимофеев А.В. Юридический опыт проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2008. 24 с.
14. Честнов И.Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права // Платон. 2012. № 1. С. 45–51.
15. Cossio C. Intuition, Thought, and Knowledge in the Domain of Law. Philosophy and Phenomenological Research. 1954. Vol. 14. No. 4, pp. 470–493.
16. Hoerster N. Die rechtsphilosophische Lehre vom Rechtsbegriff. Juristische Schulung. 1987. Vol. 27, pp. 181–188.

Террор как легальное средство маргинальной политики государства

*Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права и
правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов,
доктор юридических наук,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
romashov_tgp@mail.ru*

Автором осуществляется анализ феномена «террор» как инструмента воздействия на человеческое сознание и поведение. В качестве террора рассматривается волеизъявленная в сознательной деятельности агрессия, целью которой является формирование у адресатов чувства ужаса и беззащитности перед субъектами, осуществляющими акты террора. В таком понимании террор представляет собой своего рода «воспитательное» средство, применяемое для формирования у людей чувства неуверенности в собственных правоохранительных возможностях, а также недоверия к легальным средствам и технологиям охраны прав и законных интересов. Предлагается и аргументируется гипотеза, в соответствии с которой террор, как инструмент социально-психологического воздействия, может применяться и маргинальными слоями населения, и самим государством. При этом государственный террор, являясь узаконенным (легальным) инструментом реализации государственной политики, осуществляется неправовыми средствами и в своем осуществлении опирается не на принципы права, а на «государственную целесообразность».

Ключевые слова: государство, право, террор, терроризм, террористический акт, агрессия, репрессивная деятельность, правоприменение, уголовная ответственность, уголовный процесс, персонализация вины, преступление, наказание, маргинальная политика.

Terror as a Legal Mean of Marginal State Policy

*Romashov Roman A.,
Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation*

The author is analyzing the phenomenon of "terror" as an instrument of impacting the human conscience and behaviour. Aggression translated in conscious activity is reviewed as terror aiming at forming in the minds of the addressees of a sense of horror and helplessness before the subjects executing the acts of terror. Terror from such standpoint represents a sort of an "educational" means applied to form among the people of a sense of uncertainty in the own law enforcement opportunities and mistrust to the legal means and technologies of protection of rights and legal interests. The author proposes and justifies a hypothesis that terror as an instrument of social and psychological influence may be applied by marginal social groups and the state itself. State terror being a legal (legitimate) instrument of state policy enforcement is implemented by illegal means and in its implementation is based on "state expediency" rather than on the principles of law.

Key words: state, law, terror, terrorism, act of terror, aggression, repressive activity, law enforcement, criminal liability, criminal proceedings, personalization of guilt, crime, punishment, marginal policy.

1. Понятие и признаки террора

Террор — форма выражения социальной агрессии, основанной на репрессивной идеологии и направленной на уничтожение и устрашение персонифицированных представителей так называемых «враждебных» групп. «С точки зрения психологии, террор — прежде всего состо-

яние ужаса, возникающее в результате насилия»¹.

Признаки террора:

— агрессивность и деструктивность — террор представляет собой проявление наси-

¹ Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С. 23.

лия, направленного на разрушение и уничтожение одним субъектом (агрессором) другого (жертвы);

— систематичность — террор является социальной системой, объединяющей источники, субъектов организации и осуществления, средства, методы, технику, общественные отношения;

— опора на репрессивную идеологию — терроризм основан на определенной идеологии (религиозной или политической) и является инструментом идеологической экспансии;

— неправовой характер — террор в своем действенном выражении не опирается на правовые акты и юридическую технику;

— неперсонифицированный характер — террор осуществляется в отношении представителей социальных групп, объявляемых «враждебными», вне зависимости от виновности конкретного лица в совершении конкретного преступления.

Основной целью террора является устрашение тех, в отношении которых террор осуществляется (дословный перевод слова террор — страх, ужас), воспитание у них чувства беззащитности перед террористической угрозой и, как следствие, восприятие террора как объективного явления, по отношению к которому любые формы противодействия бесполезны.

2. Соотношение террора и терроризма

Террор и терроризм выступают одновременно в качестве отождествляемых и противопоставляемых явлений. В инструментальном аспекте террор есть средство социального воздействия, а терроризм — процесс его применения, т.е. терроризм — это процесс применения террора. Рассматривая террор и терроризм в контексте их противопоставления, следует акцентировать внимание прежде всего на субъектах, использующих террор в собственных интересах. Считается, что понятием «терроризм» обозначают методику и тактику проявления агрессии со стороны негосударственных сил, а понятием «террор» — тождественные по смыслу и содержанию агрессивные и репрессивные действия, осуществляемые от имени государства. Впервые противопоставлять «законный» (государственный) террор и «противозаконный» терроризм стали в революционной Франции. Тогда же возникли понятия «белого» контрреволюционного (роялистского) и «красного» революционного (якобинского) террора. В отечественной

истории противопоставление «красного» и «белого» террора связывается с эсеркой Зинаидой Коноплянниковой, которая на суде заявила: «Партия решила на белый, но кровавый террор правительства, ответить красным террором...»² Легализация «красного» террора в качестве официального инструмента государственной репрессивной политики происходит в 1918 г. Постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» устанавливалось, «что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Таким образом, можно констатировать, что Советское государство, начиная с первых дней своего существования, активно использовало террор, рассматривая его в качестве эффективного инструмента осуществления государственной политики, направленной на слом сопротивления враждебных классов, а также установления и обеспечения тоталитарного политического режима.

3. «Полезный» и «вредный» террор

Несмотря на кажущуюся однозначность негативных оценок по поводу террора и терроризма, в государстве и обществе продолжает действовать система двойных стандартов, в соответствии с которой террор против государства и «хороших» людей представляет собой преступление и рассматривается как акт варварства и бесчеловечности. В то же время террор, обращенный против «врагов рода человеческого», оправдывается и героизируется. Террор вызывает ужас прежде всего своей неотвратимостью и отсутствием возможности защитить себя и своих близких от мучительной смерти, с которой неразрывным образом связаны террористические акты. При этом смерть сопровождается террором независимо от того, считается он «полезным» или «вредным». Вот мнение одного из «отцов» русского терроризма Б. Савинкова: «Я спрашиваю: чем белый человек отличается от черного? Чем мы отличаемся от него? Одно из двух: или “не убий”, и тогда мы такие же разбойники, как другие. А если “око за око и зуб за зуб”, то к чему оправдания? Я так хочу и так делаю.

² Морозова О.М. И красный мак и белая ромашка растут на проклятой земле // Научно-культурологический журнал RELGA. 25.06.2007. № 9 (154).

Уж не сокрыта ли здесь трусость, боязнь чужого мнения? Боязнь, что иные скажут: убийца, когда теперь говорят: герой? Но на что мне чужое мнение»³. Далее еще более сильно: «Говорят, нельзя убивать. Говорят еще, что одного можно убить, а другого нельзя. Всячески говорят. Я не знаю, почему нельзя убивать. И не пойму никогда, почему убить во имя вот этого хорошо, а во имя вот того — дурно»⁴. Полагаем, юридическая оценка террора, равно как и понятий «война», «убийство» и т.п., должна осуществляться не в этическом аспекте, оперирующем категориями «справедливо» и «несправедливо», «нравственно» — «безнравственно», а в собственном правовом. В таком понимании террор, независимо от субъекта, его осуществляющего, следует рассматривать либо как внеправовой, либо как противоправный инструмент социальной коммуникации. При этом если есть те, кто оправдывает террор, совершаемый от имени государства, считая его «полезным» и «справедливым», то, вне всякого сомнения, найдутся и те, кто в свою очередь будет акцентировать внимание на «вредности» государства и, соответственно, оправдывать и героизировать террор, обращенный против него.

4. Государство как субъект террора

Государственный террор является законной формой репрессивной деятельности государства, осуществляемой в соответствии с государственной целесообразностью, без учета общеправовых принципов и юридической техники правоприменения. При этом государственный террор следует отличать от правовых форм государственной репрессивной деятельности. В частности, нельзя рассматривать в качестве проявлений террора облеченные в процессуальную правовую форму акты, связанные с персональной уголовной ответственностью лиц, относимых к так называемым «врагам народа» (период «большого террора» в СССР 30-х годов XX в.) и признаваемых виновными в порядке особых судебных процедур. Несмотря на то что в ряде случаев дела об их уголовной ответственности носили фальсифицированный характер, все же следует констатировать, что формально правовая процедура привлечения к

юридической ответственности и исполнения наказания носила правовой характер и осуществлялась в рамках действующего законодательства. Основным отличием террора от правовых репрессивных форм является неперсонифицированный характер и осуществление вне рамок формально-юридических процедур. Для осуществления террора не требуется определения персональной вины конкретного лица за совершение конкретного преступления. Как уже отмечалось, применение государственного террора продиктовано в первую очередь государственной целесообразностью. По нашему мнению, рассмотрение государственного террора в качестве меры вынужденного характера, применяемой в ответ на террористические действия антигосударственного характера, является если не ошибочным, то во всяком случае неточным. Государство прибегает к террору тогда, когда считает это необходимым. При этом не имеет особого значения, имели место факты антигосударственного терроризма со стороны той или иной организации или нет.

5. Социальные сферы государственного террора

Государственный террор с точки зрения объекта применения подразделяется на внутренний и внешний. Применительно к СССР, в качестве примеров внешнего государственного террора можно назвать действия Советской армии в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.). И в том и в другом случае военные операции проводились без объявления войны и были направлены на подавление массовых беспорядков среди местного, мирного населения, возникших вследствие протестных настроений политического характера. В качестве акта внутреннего террора можно рассматривать «Новочеркасский расстрел» 2 июня 1962 г., а также действия государства, связанные с принудительной депортацией представителей национальных групп (чеченцев, крымских татар и др.), признанных на высшем политическом уровне «предательскими». Во всех указанных случаях репрессивные действия со стороны государства осуществлялись безотносительно признания персональной вины и вне юридических процедур уголовного преследования и уголовного правосудия⁵.

³ Савинков Б. Конь бледный // Савинков Б. Избранное. М.: Московский рабочий, 1990. С. 316.

⁴ Там же. С. 310.

⁵ Приведение СССР в качестве государства, активно использовавшего террор в качестве инструмента внутренней и внешней государ-

6. Государственный террор на современном этапе

Говоря о государственном терроре в современных условиях, следует констатировать, что имеет место значительное снижение случаев внутреннего государственного террора в тех государствах, которые позиционируют себя в качестве правовых и признают приоритет международного права по отношению к национальному (внутригосударственному) законодательству. Вместе с тем во внешнеполитической сфере к террору продолжают активно прибегать в том числе государства с демократическими политическими режимами. В качестве примеров внешнеполитического государственного террора можно привести «операции возмездия», проводимые войсковыми подразделениями США в Афганистане после совершения террористической атаки 11 сентября 2001 г., а также российскими ВКС в Сирии после террористического акта, повлекшего крушение самолета А321 15 декабря 2011 г.⁶ И в том и в другом случае конкретные лица, виновные в совершении названных преступлений, не стали субъектами уголовного правосудия, что не помешало государствам предпринять действия, по сути своей являющиеся формой мести, имеющей к праву и

ственной политики, вовсе не означает, что другие государства не применяли террористических методов обеспечения государственной политики. Широкою известностью получило интернирование этнических японцев в США во время Второй мировой войны с западного побережья в концентрационные лагеря. При этом в 1944 году Верховный суд США подтвердил законность интернирования, аргументировав это тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требует общественная необходимость».

⁶ «Министр обороны Сергей Шойгу на совещании с президентом России Владимиром Путиным доложил о масштабной операции возмездия, которую проводят российские военные против террористов в Сирии. Удары усилены после того, как стало ясно, что на борту российского лайнера, разбившегося в Египте, произошел теракт, ответственность за который взяла на себя группировка «ИГ». Россия... ударила по объектам в Сирии крылатыми ракетами... что привело к гибели 600 боевиков». См.: Шойгу доложил Путину об операции возмездия в Сирии: 600 убитых [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/11/20/shoygu-dolozhil-putinu-ob-operacii-vozmezdiya-v-sirii-600-ubitykh.html>.

правовому регулированию весьма опосредованное отношение.

7. «Люди» и «террористы»: к вопросу об определении объекта государственно-го террора

Применение государственного террора предполагает деление всех людей на «собственно людей» — тех, кто заслуживает правового отношения со стороны государства, предполагающего в том числе привлечение к юридической ответственности на основании правовых норм и в рамках правовых процедур, и «террористов»⁷ — тех, к кому человеческие правила общения неприемлемы и кто может и должен уничтожаться государством посредством применения узаконенных, несмотря на внеправовой характер, средств и методов.

В рамках отношений, возникающих в связи с использованием государством средств и методов террора, происходит фактическое разграничение общества на «людей» и «нелюдей — террористов». По отношению к последним считается не только допустимым, но и единственно возможным обращение, которое в правовом аспекте неприемлемо для людей.

8. Является ли «сильным» государство, применяющее террор

Государственный террор представляет собой средство осуществления государственной политики, направленной на устрашение и подавление сопротивления групп, объявляемых на законодательном уровне преступными (запрещенными). Одной из важных особенностей государственного террора является то, что он осуществляется силами армии и спецслужб, подчиняющихся в своей деятельности не столько правовым актам, сколько приказам вышестоящих начальников, которые в большинстве своем носят закрытый, засекреченный характер, что в значительной степени осложняет выполнение правового контроля за законностью проводимых мероприятий. Применение государ-

⁷ Признание человека террористом осуществляется на уровне политической декларации на основании заявленной «сверху» принадлежности его к той или иной террористической организации. Причем подобная характеристика осуществляется без индивидуализации и конкретизации вины в совершении террористического преступления и без применения уголовно-процессуального права.

ством террора как во внутригосударственной, так и во внешнеполитической сферах свидетельствует прежде всего о неправомерной природе государственной политики. Является ли применение террора признаком «сильного государства»? Полагаем, что нет. Исповедующее политику террора государство следует рассматривать в качестве агрессора, отвергающего партнерские отношения и выбирающего конфликт в качестве единственного средства достижения целей и решения задач государственной деятельности. Политика государственного террора является весьма ограниченной по своему конструктивному потенциалу. Несмотря на то что ее проведение (особенно на первых этапах) позволяет одерживать тактические победы над избранными в качестве объекта террора «враждебными» группами, в дальнейшем неминуемо происходит снижение эффективности государственной деятельности, основанной преимущественно на устрашении, поскольку продуцировать страх в течение длительного времени можно только в случае его постоянного усиления, а это в свою очередь влечет массовую социальную апатию, ослабляющую социальную силу государства, заключающуюся в творческой активности масс. Наглядным примером того, что такое ослабление может привести к гибели государства, является распад СССР. После того как страх перед государственным механизмом сменился массовым безразличием к декларируемым «сверху» государственным конструкциям, произошло усиление сепаратистских тенденций, сыгравших роль метастаз и в итоге повлекших «смерть» советского государства. При этом государственные структуры, при помощи которых в свое время осуществлялся государственный террор, оказались в столь же кризисном состоянии, как и государство в целом. Утрата ими своего устрашающего потенциала обусловила их дисфункциональность и, как итог, неспособность выполнить свою основную задачу — обеспечить государственную безопасность и целостность.

9. Целесообразность и опасность государственного террора

Государственный террор представляет собой форму маргинальной политики государства, когда по сути своей неправомерные действия, осуществляемые силовыми структурами и спецслужбами, объясняются публичными интересами государственной целесообразности. Применение государ-

ственного террора является свидетельством стремления государства, представленного государственной бюрократией, абсолютизировать публичную власть, вывести ее из-под какого бы то ни было контроля и использовать в собственных интересах, позиционируемых в качестве «общегосударственных» и «общенародных». Воплощенная в государственном терроре оправданная неправомерная агрессия представляет собой форму рациональной государственной деятельности, противопоставляемой иррациональной «естественной» агрессии, исходящей от внутригосударственных и международных террористических (экстремистских) сил. При этом обоснованием и оправданием государственного террора становится «идея о сохранении и защите пространства власти» государства, или, иными словами, государственного суверенитета⁸. Усиление агрессивности государства, проявляющееся в расширении сфер осуществления государственного террора, как правило, рассматривается в контексте усиления государственной мощи. Однако такое усиление носит достаточно односторонний характер и в любом случае предполагает ограничение гражданских прав и свобод. Государство при этом воспринимается простыми гражданами не в качестве структуры, призванной обеспечивать и защищать личную свободу, а в качестве угрозы, столкновение с которой обуславливает наступление негативных последствий, по своей социальной значимости сходных с теми, которые наступают в результате противоправных посягательств криминального характера. Для того, кто волею случая оказался в очаге конфликта между субъектами государственного террора и терроризма, вряд ли существует большая разница, чьи пуля, бомба, ракета оборвали жизнь. Будучи оправданным и узаконенным, государственный террор по сути своей не отличается от своего антигосударственного аналога. И тот и другой направлены на формирование у адресатов чувства ужаса перед неминуемой угрозой жизни, здоровью, свободе, собственности. При этом самым страшным является то, что возникающая опасность не может быть ликвидирована либо минимизирована при помощи правовых средств и консенсуальных методов социального общения. Человек становится невольной жертвой обстоятельств, повлиять на ко-

⁸ См.: Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М.: НОРМА, 2007. С. 301.

торые не в состоянии. Вопрос о том, кто и почему эти обстоятельства создал, приобретает достаточно риторический характер, по-

скольку зло, от кого бы оно ни исходило и какими бы ценностными приоритетами не объяснялось, остается злом.

Литература

1. Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М.: НОРМА, 2007. С. 301.
2. Морозова О.М. И красный мак и белая ромашка растут на проклятой земле // Научно-культурологический журнал RELGA. 25.06.2007. № 9 (154).
3. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С. 23.
4. Савинков Б. Конь бледный // Савинков Б. Избранное. М.: Московский рабочий, 1990. С. 316.
5. Шойгу доложил Путину об операции возмездия в Сирии: 600 убитых [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/11/20/shoygu-dolozhil-putinu-ob-operacii-vozmezdiya-v-sirii-600-ubitykh.html>.